

Европейский Суд по правам человека
Первая секция
Дело «Ангелова (Anguelova) против Болгарии»
Жалоба № 38361/97
Постановление
Страсбург, 13 июня 2002 г.

В деле «Ангелова против Болгарии» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая палатой в составе:

К.Л. Розакиса (C.L. Rozakis), Председателя,

Г. Бонелло, (G. Bonello),

П. Лорензена, (P. Lorenzen),

Н. Важич (N. Vajic),

С. Ботучаровой (S. Botoucharova),

В. Загребельского (V. Zagrebelsky),

Е. Штайнер (E. Steiner), судей ,

при секретаре секции Э. Фриберге (E. Fribergh), 23 мая 2002 г. провел совещание за закрытыми дверями и вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобе (№ 38361/97) на Республику Болгария, поданной 20 сентября 1997 г. гражданкой Болгарии г-жой Асей Ангеловой (*далее* - заявительница) в Европейскую Комиссию по правам человека (*далее* - Комиссия) в соответствии с ранее действовавшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* – Конвенция).

2. Интересы заявительницы, которой была оказана помощь в оплате юридических услуг, представлял в Суде г-н И Грозев (Y. Grozev), адвокат, практикующий в Софии. Правительство Болгарии (*далее* – правительство) было представлено своими уполномоченными лицами г-жой В. Джиджевой (V. Djidjeva) и г-жой Г. Самарас (G. Samaras), министерство юстиции.

3. Заявительница в своей жалобе утверждала, что жестокое обращение полицейских с ее сыном стало причиной его смерти, что полиция не позаботилась о том, чтобы ему была предоставлена соответствующая медицинская помощь, власти не провели реального расследования, содержание ее сына под стражей было незаконным, сама она не получила реальной возможности подать

жалобу и ее сын оказался жертвой дискриминации по признаку происхождения, поскольку он цыган.

Заявительница ссыалась на статьи 2, 3, 5, 13 и 14 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № к 11 Конвенции (пункт 2 статьи 5 указанного Протокола).

5. Жалоба была передана в ведение Четвертой секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

6. Учитывая объяснения сторон по вопросу о приемлемости жалобы и существу дела, палата, образованная из состава вышеуказанной секции согласно пункту 1 правила 26 Регламента Суда, объявила жалобу приемлемой своим решением от 26 июня 2000 г. (*Примечание секретаря секции*: решение Суда в имеется в Секретариате).

7. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав секций (пункт 1 правила 25 Регламента). Дело было передано в ведение Первой секции нового состава (пункт 1 правила 52).

8. Образованная из состава данной секции палата, проконсультировавшись со сторонами, вынесла решение о том, что нет необходимости в слушании дела по существу (пункт 2 правила 59 Регламента). Объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59) представила только заявительница.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявительница, г-жа Ася Ангелова, 1959 г. рождения, является гражданкой Болгарии и проживает в г. Разграде.

10. 29 января 1996 г. ее сын, Ангел Забчеков (Angel Zabtchekov), 17 лет, известный полиции г. Разграда по обвинениям в кражах, скончался, проведя перед этим несколько часов под стражей, куда был заключен в связи с попыткой совершить кражу. В результате проведенного расследования был сделан вывод, что причиной смерти была, по-видимому, случайная рана, которую г-н Забчеков получил до своего задержания, что оспаривает заявительница.

Она, в частности, уточнила, что она сама и ее покойный сын принадлежат к этнической группе цыган.

А. Свидетельские показания по фактам и действиям г-на Забчекова 28 января 1996 г.

11. По показаниям ряда свидетелей, 28 января 1996 г. г-н Забчиков часть дня занимался мелкими поделками у своего соседа. С наступлением вечера находился некоторое время дома, затем вышел на прогулку со своей сестрой, другом сестры и одним из своих друзей, неким г-ном *М*. Значительную часть вечера он провел в их компании в ближайшем баре. Он пил спиртные напитки.

В 22.30–23.30 сестра Забчикова покинула бар со своим другом, оставив брата в компании г-на *М*. Вскоре бар закрылся. По свидетельству г-на *М*, они вышли из бара вместе с г-ном Забчиковым и расстались у подъезда, г-н *М* пошел домой.

Все свидетели (хозяин бара, лицо, у которого работал в тот день г-н Забчиков, его сестра и друг сестры, а также отец г-на Забчикова, который был дома, когда сын вернулся с работы, прежде чем отправиться в бар) единодушно утверждают, что г-н Забчиков был вполне здоров, что у него на теле не было никаких видимых ран, что он не дрался и ни с кем не ссорился и что он пил спиртные напитки.

Б. Преследование на улице Бели Лом и арест г-на Забчикова

12. 29 января 1996 г., приблизительно в двенадцать часов ночи, некая г-жа *IA*, проживавшая в доме по улице Бели Лом в Разграде, заметила со своего балкона мужчину, личность которого была впоследствии установлена, им был г-н Забчиков, который крутился около машин, стоявших вдоль тротуаров, наклонялся к ним и «делал что-то подозрительное». Г-жа *IA* позвонила соседке - г-же *IM*. Женщины окликнули г-на Забчикова со своих балконов и спросили его, что он делает. В этот момент на улице появились сержант Мутафов (*C*), полицейский, который в тот день не был на дежурстве, и молодой человек (*D*), ибо они тоже жили в этом доме, и женщины обратились к ним.

13. Г-н Забчиков попытался убежать, но *C* бросился за ним. Преследование длилось, по-видимому, одну-две минуты. Затем *D* и его две соседки увидели, как на углу улицы появился *C*, он держал г-на Забчикова и вел его к подъезду дома. Свидетели заявили, что земля была покрыта снегом.

14 Впоследствии *C* заявил, что пытаясь убежать, Забчиков споткнулся, упал, но быстро поднялся. Это подтвердили и обе женщины, *IA* и *IM*, наблюдавшие за событиями со своих балконов. Они сказали, что г-н Забчиков упал на дороге, поросшей травой. В то же время свидетель *D*, все это время остававшийся на улице и также

присутствовавший при инциденте, утверждал, что он не видел, что Забчечков падал до своего ареста. Он повторил это заявление при очной ставке с остальными свидетелями.

15. С оказался единственным свидетелем событий, которые происходили с момента, когда г-н Забчечков и он повернули за угол улицы, и тем моментом, когда они оказались перед домом по улице Бели Лом. С заявил, что г-н Забчечков поскользнулся и упал еще два раза. Поэтому он смог его догнать. Когда г-н Забчечков поднялся и бросился опять бежать, он ему поставил подножку; г-н Забчечков упал наземь, а С бросился на него. Он его связал и привел. Когда С попросили уточнить, на какую сторону упал г-н Забчечков, он ответил, что тот упал лицом к земле, но не помнил, смог ли Забчечков закрыть лицо руками. С заявил, что ему было трудно бежать и схватить Забчечкова из-за раны в ноге и из-за того, что у него развязались шнурки.

16. Сержант Димитров (G), один из полицейских, которые впоследствии прибыли на место событий, сделал следующее заявление: «Когда мы прибыли на место происшествия, [С] нам сказал, что когда он попытался задержать Забчечкова, тот побежал, но упал два-три раза, иначе поймать его не удалось бы».

В. События, происходившие с момента задержания г-на Забчечкова и до прибытия полиции

17. Все свидетели единодушно утверждают, что в тот момент, когда С вел г-на Забчечкова ко входу в дом, тот спотыкался и падал. Имеются разные показания по поводу того, как это точно происходило. Г-жа I.M., наблюдавшая за инцидентом со своего балкона, заявила, что когда С и г-н Забчечков подошли к углу здания, г-н Забчечков поскользнулся, упал и перевернулся. D заявлял, что г-н Забчечков споткнулся и упал на ягодицы. С утверждал, что г-н Забчечков только оступился и не падал, потому что он его удержал.

18. С заявил, что он не бил г-на Забчечкова и не видел никого, кто это делал. Это подтвердили г-жа I.A. и г-жа I.M. Г-жа I.M., которая была также владелицей одной из машин, стоявших на стоянке, уточнила, что на самом деле она видела, что г-н Забчечков оказался на земле в то время, когда его вел С, но при этом не видела, что кто-то его бил или давал пинки. D не упоминал, видел ли он, что кто-то бьет или нет г-на Забчечкова.

19. С также заявил, что, когда он схватил г-на Забчечкова и находился близко к нему, он не заметил ни следов крови, ни царапин на его лице. Он добавил также, что лоб г-на Забчечкова был частично закрыт волосами, и что у него был загорелый цвет лица. D заявил,

что он не заметил ни следов крови, ни царапин на лице г-на Забчекова. Он уточнил, что от него пахло алкоголем.

20. Задержав г-на Забчекова, *С* попросил г-жу *И.М.* вызвать полицию, что она и сделала приблизительно в 00.20. Все дальнейшее время она не покидала своей квартиры.

21. *С*, *Д* и г-н Забчеков ожидали у подъезда, по всей видимости, десять-двадцать минут. Находившаяся на своем балконе г-жа *И.А.* скорее всего не видела, что происходило у входа в дом.

22. В показаниях свидетелей содержится мало подробностей о том, были ли какие-либо разговоры между г-ном Забчковым и кем-либо из них до прибытия полиции. Некоторые свидетели говорили, что г-н Забчеков бормотал что-то едва понятное. По словам г-жи *И.М.*, которая наблюдала со своего балкона, г-н Забчеков несколько раз повторил, что он пьян. Г-жа *И.А.*, г-жа *И.М.* и *С* утверждали, что когда г-н Забчеков был на земле, *С*, держа его, сказал ему: «Вставай, я не собираюсь тебя волочь». *Д* заявил, что он не слышал, чтобы кто-то произносил эти слова. Никто из свидетелей не сообщил в своих показаниях, что *С* и *Д* разговаривали с Забчковым, пока они были одни у подъезда.

23. В своих показаниях от 29 января 1996 г. *С* заявил, что после того как полицейские уехали вместе с Забчковым, он нашел гаечный ключ в том месте, где он сам, *Д* и г-н Забчеков ждали прибытия полиции. *С* подумал, что ключ, по-видимому, принадлежал г-ну Забчкову, так как по размеру он подходил для того, чтобы снять аккумулятор с машины. *С* объяснил, что он сохранил ключ и отдал его следователю утром 29 января 1996 г., когда его вызвали в комиссариат после смерти г-на Забчекова. В то же время в показаниях от 31 января 1996 г. сержант Атанасов (*Н*), дежуривший в комиссариате, когда привели г-на Забчекова, заявил, что он заметил ключ на письменном столе в 1.30 ночи, не позднее, почти сразу после прибытия г-на Забчекова в участок. Во время очной ставки с другими полицейскими от 26 апреля 1996 г. *Н* вспомнил, что на самом деле он увидел гаечный ключ в первый раз позднее.

Г. Прибытие полиции на улицу Бели Лом

24. После телефонного звонка в городской комиссариат полиции, по указанному адресу была направлена патрульная машина с двумя полицейскими: сержантом Пенчевым (*А*) и Колевым (*В*). По прибытии полицейские увидели *С* и г-на Забчекова у входа в здание. *Д* также находился неподалеку.

25. *A* узнал г-на Забчекова, так как видел его в качестве подозреваемого по расследуемым делам о кражах, и назвал его по фамилии. Он надел ему наручники. Впоследствии *A* и другие полицейские утверждали, что в этот момент *A* предупредил всех остальных, чтобы они были осторожными, так как г-н Забчиков страдал «болезнью мозга».

26. Вскоре прибыла еще одна полицейская машина с тремя полицейскими: сержантами Игнатовым (*E*), Георгиевым (*F*) и Димитровым (*G*). Полицейские начали осматривать место происшествия, чтобы найти улики, доказывающие, что г-н Забчиков пытался взломать замки машин. *A* подвел г-на Забчекова к одной из машин, у которой был как будто взломан замок, и спросил его, не пытался ли он что-то украсть. По его словам, г-н Забчиков отрицал кражу. После этого г-на Забчекова с помощью наручников пристегнули к дереву, а полицейские продолжили осмотр места происшествия. Увидев, что у двух машин были взломаны замки, полицейские предупредили их хозяев. Один из них вышел, чтобы подтвердить нанесенный его машине ущерб. В течение всего этого времени г-н Забчиков был прикован к дереву.

27. О том, что происходило с момента прибытия полицейских и до момента их отъезда с г-ном Забчиковым, рассказали только дежурные полицейские. Г-жа *I.A.* и *D* лишь заявили, что полицейские обыскали все место происшествия. *C* заявил, что он уходил предупредить хозяев машин. Он только видел, что в какой-то момент г-н Забчиков находился с полицейскими на стоянке машин, где полицейские сравнивали следы подошв обуви г-на Забчекова со следами на снегу. Полицейский, который побывал на месте происшествия в 11 часов утра 29 января 1996 г., допросил хозяина одной из машин, но только по ущербу, нанесенному машине.

28. Некоторые полицейские заявили, что пока они осматривали место происшествия, они видели, что г-н Забчиков либо лежал, либо сидел на земле. *A* уточнил, что в этот момент он освободил прикованного г-на Забчекова, усадил его на заднее сиденье полицейской машины и надел ему наручники на обе руки. Все полицейские, которые были на улице Бели Лом, заверяли, что они не заметили никаких ран на лице г-на Забчекова. Некоторые из них говорили, что он казался пьяным, что он что-то бормотал и был не очень общителен.

Д. События, произошедшие после прибытия г-на Забчекова в комиссариат

29. *А* и *В* привезли г-на Забчекова в комиссариат в 0 часов 50 минут. Дежурный сержант *Н* заявил, что он видел, как в комиссариат входил г-н Забчеков в сопровождении *А* и *В*. Он держал руки за спиной, на них были наручники. *А* и *В* держали его за руку и поддерживали. Г-на Забчекова провели в кабинет № 1. *А* заявил, что в этот момент он снял наручники с юноши.

30. О задержании г-на Забчекова не было вынесено никакого письменного постановления.

31. По заявлениям *А*, *В* и *Н*, г-н Забчеков остался в кабинете № 1 с *В* и *Н*, пока *А* пошел докладывать о происшествии старшему по званию – дежурившему в то время полковнику Иорданову (*И*). Кроме того, *Н* сказал, что в этот момент он заметил кровоподтек на надбровной дуге г-на Забчекова. *А* и *В* не упоминали о ранах. *Н* также уточнил, что одежда г-на Забчекова была мокрой. Все отмечали, что г-н Забчеков был пьян и что-то бормотал.

Полковник *И* заявил, что *А* его информировал о доставке г-на Забчекова в комиссариат и сказал, что личность задержанного установлена, но он слишком пьян для проведения допроса. До 4 часов 30 минут полковник *И* не видел г-на Забчекова. По заявлениям сержантов, полковник *И* приказал посадить на стул в коридоре г-на Забчекова, чтобы он протрезвел. *А* сказал *Н*, чтобы тот его вызвал по радиосвязи, как только г-н Забчеков сможет общаться. В какой-то момент *А* и *В* покинули комиссариат для продолжения патрульной службы.

32. *Н* заявил, что г-н Забчеков после этого заснул, сидя на стуле в коридоре и что он храпел. В 3 часа ночи *Н* заметил, что г-н Забчеков спал лежа на полу. Он его разбудил и усадил на стул, боясь, что «тот может простудиться». *Н* сказал также, что в 3 часа 50 минут он сходил проведать г-на Забчекова, тот спал, сидя на стуле, его всего трясло. *Н* решил снова препроводить его в кабинет № 1, где было теплее. Он его разбудил и помог ему пройти в кабинет. Через некоторое время г-н Забчеков соскользнул со стула. *Н* заметил, что тот тяжело дышал. *Н* заявил, что в этот момент он обратился к сержанту Дончеву (*Д*) и попросил его «вызвать сержанта Пенчева [*А*] или скорую помощь».

33. *Д* заявил, что в соответствии с графиком дежурства он спал в комиссариате до 2 часов ночи 29 января 1996 г., затем его разбудили на дежурство. Его не информировали о том, что в участке был задержанный. *Д* не указал, выходил ли он в промежуток между 2 часами и 3 часами 50 минутами ночи в коридор, где, по словам *Н*, г-н Забчеков спал, сидя на стуле. *Д* заявил, что он узнал о задержании г-на Забчекова только в 3 часа 50 минут, когда *Н* сообщил, что у юноши такие симптомы, которые свидетельствуют о том, что его

здоровье ухудшается. Тогда *J* сходил к нему, то увидел раны на лбу и вызвал по радиосвязи *A* и *B*.

34. Приблизительно в тот же момент *H* или *J* предупредили полковника – старшего по званию дежурного офицера. *I* заявил, что в этот момент он заметил раны на лице Забчекова.

35. *A* и *B* сообщили, что в 4 часа 30 минут их вызвали по радио и им сообщили, что г-ну Забчекову становится все хуже. Когда они прибыли в комиссариат, г-н Забчечков лежал на полу и тяжело дышал. *B* на машине отправился в больницу и вернулся с машиной скорой помощи, где сидел дежурный врач-педиатр Михайлов.

36. Впоследствии доктор Михайлов заявил, что в 5 часов утра дежурный скорой помощи попросил его побывать в комиссариате и осмотреть «подростка пятнадцати лет». Врач Михайлов уточнил, что он видел, как этот дежурный разговаривал с полицейскими. Он подчеркнул также, что никакой предварительной информации о здоровье подростка он не получал.

37. Доктор Михайлов осмотрел г-на Забчекова в комиссариате и порекомендовал отправить его в больницу, так как у него был слабый пульс. На скорой помощи г-на Забчекова отвезли в больницу, *A* и *B* следовали за ним в полицейской машине. По прибытии *A* и *B* помогли внести г-на Забчекова в коридор, где находился кабинет дежурного врача. По заявлениям *A* и *B*, когда через несколько минут дежурный врач Иванова осмотрела г-на Забчекова, между нею и врачом Михайловым произошел бурный разговор. Полицейских информировали о кончине г-на Забчекова.

38. По заявлению *B*, доктор Иванова сказала ему и его коллеге: «Вы должны были быть в курсе состояния г-на Забчекова» и добавила, что они его привезли без признаков жизни.

39. Доктор Михайлов сказал, что в комиссариате он заметил кровоподтеки на груди г-на Забчекова, что в тот момент подросток был еще жив, но без сознания и со слабым пульсом.

Доктор Михайлов спросил у полицейских, сколько времени мальчик находился в таком состоянии. Полицейские ответили: «Он доставлен в комиссариат в таком состоянии».

40. Доктор Иванова заявила, что приблизительно в 5 часов доктор Михайлов попросил ее проверить, действительно ли мертв привезенный в больницу пациент. Установив отсутствие прощупываемой сердечной деятельности, она попыталась сделать массаж сердца, но это оказалось тщетным. Она сказала также, что когда она спросила, почему в комиссариат вызвали доктора Михайлова, а не ее как дежурного врача, в скорой помощи ответили, что скорую вызывали для ребенка и поэтому вызвали дежурного педиатра.

Е. Регистрационный журнал комиссариата г. Разграда

41. Обычно все задержания регистрируются в журнале комиссариата. Записи делаются по рубрикам: номер, присваиваемый задержанному, фамилия полицейского, делающего запись в журнале, фамилия задержанного, мотивы задержания, принимаемые меры и дата освобождения. Все сведения по каждому задержанию регистрируются в хронологическом порядке.

42. По требованию Суда правительство представило копию регистрационного журнала комиссариата Разграда от 29 января 1996 г. В нем нет записи, относящейся к г-ну Забчекову, но есть запись, относящаяся к «лицу, личность которого не установлена», которому присвоили номер 72.

43. В журнале нет отдельной рубрики с указанием срока задержания. По некоторым задержанным, фигурирующим на той же странице, срок задержания указан вместе с датой. В отношении же «лица, личность которого не установлена», как и в отношении еще нескольких лиц, записанных на той же странице, в рубрике с указанием даты нет никаких упоминаний о сроке задержания. Однако после выражения «лицо, личность которого не установлена», в двух колонках и на двух строчках имеется запись: «29.1.96, 01.⁰⁰». Визуальный анализ копии журнала показал, что цифра «1.⁰⁰» написана поверх другой цифры, которая там первоначально была проставлена, это было, по-видимому, «3.⁰⁰» или «5.⁰⁰».

44. Следует также отметить, что номера записей на этой странице перечеркнуты. По предоставленной правительством копии трудно увидеть, какие первоначальные номера были заменены. Однако ясно видно, что между всеми записями имеются равные интервалы, за исключением лишь записей под номерами 72 и 73, где интервал намного меньше.

45. Запись под номером 72, касающаяся задержания не установленной личности, гласит, что *A* доставил лицо в комиссариат. На той же строке справа имеется подпись, она, по-видимому, принадлежит полковнику *I*, насколько это можно разобрать.

46. В ходе следствия полковник *I*, как старший по званию дежурный офицер, и его помощник *J* допрашивались по поводу регистрации привода г-на Забчекова в комиссариат. Полковник *I* заявил, что он не давал распоряжения *A* регистрировать задержанного, поскольку *A* был известен порядок. *J* заявил, что чуть позднее 3 часов 50 минут, когда *H* известил его об ухудшении состояния здоровья г-на Забчекова, он проверил журнал записи

задержанных и не увидел никакой записи в отношении задержанного. Кроме того, полковник *I* сказал, что он ничего не записывал в журнал, и что в нем не было записи в отношении не установленной личности в тот момент, когда он покидал комиссариат после смерти г-на Забчекова.

Ж. Расследование, проведенное следственными органами

47. Рано утром 29 января 1996 г. полицейские представили начальнику местной полиции письменный отчет о происшедшем за ночь. В конце доклада *C* без всякой связи с содержанием доклада приписал: «Задержанный имел смуглый цвет лица (цыган) [Този когото задържах беше мургав (циганин)]».

48. Начальник местной полиции завел дело ZM-I № 128, в котором было краткое изложение фактов, отчеты семи полицейских и письменные показания *D* и владельца одной из машин, которую, как заявляли, г-н Забчечков пытался открыть.

Также рано утром 29 января 1996 г. следователь Нечев из Окружной следственной службы (Окръжна следствена служба) Разграда возбудил уголовное дело за номером 13/1996 по факту смерти г-на Забчекова.

49. По словам заявительницы, в 8 часов того же дня г-н Нечев в сопровождении двух полицейских в форме прибыл по месту жительства заявительницы и сообщил о смерти г-на Забчекова. Они говорили с отчимом мальчика. По словам заявительницы, следователь сообщил, что ночью г-н Забчечков попытался взломать две машины, что за ним гнались полицейские, в результате погони г-н Забчечков упал и ударился головой об асфальт.

50. 29 января 1996 г. г-н Нечев допросил причастных к делу полицейских и *D*, молодого человека, который находился рядом с сержантом Мутафовым (*C*) во время той краткой погони на улице Бели Лом. Следователь сходил также в больницу и видел тело г-на Забчекова. Были сделаны фотографии тела.

51. В тот же день в 11 часов 45 минут на улицу Бели Лом прибыл офицер местной полиции в связи с заявлением о попытке угона машин. Он установил, что на двух машинах были следы взлома и допросил владельцев машин. В 17 часов, действуя на этот раз, по-видимому, в рамках расследования дела о смерти г-на Забчекова, он взял образец большого красного пятна на снегу. Лабораторный анализ показал, что это была кровь животного происхождения.

52. Также 29 января 1996 г. г-н Нечев распорядился провести вскрытие трупа. Перед судебно-медицинскими экспертами он поставил следующие вопросы:

«Каковы причины смерти г-на Забчекова? Есть ли травмы на теле? Есть ли причинно-следственная связь между его травмами и смертью? Как были нанесены имеющиеся на теле раны? Сколько времени прошло с момента нанесения смертельной раны и смертью, и возможно ли, как утверждают свидетели, что г-н Забчечков был в сознании до 4 часов 30 минут? Связана ли смертельная рана с открытыми ранами на теле? Есть ли другие видимые раны, и нуждались ли они по своим внешним признакам в немедленной медицинской помощи?»

53. Вскрытие было произведено 29 января 1996 г. (оно началось в 11 часов 30 минут) в окружной больнице Разграда тремя врачами: начальником отдела судебной медицины доктором Минчевым, начальником патологоанатомического отдела доктором Милитеровым и врачом отдела судебной медицины доктором Мариновым.

54. В своем заключении от 29 января 1996 г. («первое заключение») эксперты подробно описали все, что они установили. Были сделаны фотографии.

55. При внешнем осмотре трупа было выявлено:

«В глазной впадине в конце левой надбровной дуги имеется наружная рана удлиненной формы, размером 1 x 0,4 см с неровными рваными краями и покрытая тонкой багрово-синей коркой. Мягкие ткани вокруг раны слегка вздутые, кожа темноватого цвета. Левое глазное яблоко слегка выступает (наружу) (...)

Небольшой наружный шрам длиной в 2,5 см с небольшим ушибом (...) на (...) левом запястье (...).

Два наружных кровоподтека размером 7,5 x 0,5 см и 3,5 x 0,6 см коричневатого цвета, покрытых красноватой коркой на правом запястье (...)

56. В заключительной части своего доклада эксперты сделали следующие выводы по поводу ран, обнаруженных на теле г-на Забчекова:

«[1.] Травма черепной коробки и мозга: наружный разрыв (глубокий кровоподтек) внешней стороны левой надбровной дуги, вдоль глазной впадины; гематомы на коже и мягких тканях вокруг данной раны и на левом веке, перелом задней стенки глазницы, доходящий до низа внешней стороны с дугообразной трещиной под вышеописанной внешней

травмой; эпидуральная гематома слева (кровоизлияние между мозгом и черепной коробкой – 110 *мл*; эпидуральный отек (...)[признан причиной смерти].

[2.] Гематома на коже с характерным пигментом и гематома мягких тканей на правой стороне груди вдоль передней подмышечной линии.

[3.] Наружные царапины на правой стороне лба и на тыльной стороне левого запястья с гематомой мягких подкожных тканей.

[4.] Гематома овальной формы диаметром в 0,5 *см* на слизистой нижней губы слева.

[5.] Два кровоподтека в линию на коже типичной формы и гематома подкожных тканей на уровне суставов запястья правой руки.»

57. Кроме того, эксперты отметили в заключении, что:

«[смерть наступила из-за] эпидуральной гематомы головного мозга, в которой накопилась кровь; гематома находится на левой стороне лба, содержит 110 *мл* крови и сопровождается отеком мозга, который зажал мозжечковые железы и опустил их вниз в затылочное отверстие; отек затронул жизненно важные центры мозга (которые обеспечивают дыхание и сердечную деятельность, что в свою очередь привело к эмболии (закупорке) легких), что было прямой причиной смерти.»

57. На вопрос о том, каким образом были нанесены раны, эксперты ответили:

«1. Рана в области левой глазной впадины и левого глазного яблока, а также эпидуральная гематома были нанесены ударом с помощью тупого предмета или об него или с помощью предмета с тупым углом и [небольшой] неровной поверхностью. Удар был внезапным и достаточно сильным. Он вызвал перелом стенки на дне левой глазницы вплоть до низа внешней стороны (толщина черепной коробки – 0,2 *см*);

2. [Рана на правой стороне груди была нанесена] ударом с помощью твердого тупого предмета или об него или с помощью предмета с тупым углом, поверхность которого была больше. На коже в этой области остались вмятины от одежды потерпевшего.

3. [Причиной ран на правой стороне лба и на запястьях могут быть] удары или сдавливание с помощью твердых предметов или об них. [Рана на левой стороне нижней губы нанесена]

ударом с помощью твердого тупого предмета или об него с четко обрисованной (ограниченной) поверхностью».

59. Эксперты заявили также, что при эпидуральных гематомах того типа, которая была у г-на Забчекова, обычно сохраняется ясность сознания в течение 4-6 часов, когда на пострадавшем не видно никаких симптомов, за исключением лишь того, что:

«потерпевший постепенно ослабевает, становится апатичным и сонливым, после этого он впадает в кому и умирает – как это произошло в данном случае (в промежутке времени с 1 часа ночи до 5 часов утра 29 января 1996 г.).»

Заключение завершалось выводом о том, что смерть г-на Забчекова была неизбежной в связи с отсутствием срочного хирургического вмешательства.

60. Лабораторный анализ позволил установить, что уровень алкоголя в крови г-на Забчекова составлял 1,42/1000 и в моче - 2,40/1000, что свидетельствует о средней степени опьянения.

61. Заявительница сообщила, что утром 30 января 1996 г. она была в Окружной следственной службе Разграда и просила предоставить ей информацию об обстоятельствах смерти ее сына. Следователь Нечев ее информировал, что ее сын умер из-за перелома черепа. По словам заявительницы, он ей объяснил, что ее сын пытался украсть автомобильные детали, а когда полиция попыталась его задержать, он побежал, упал и ударился головой.

Заявительница утверждает, что во время беседы г-н Нечев заверил ее, что ее сына отправили в больницу, но он не сказал, что ее сын был задержан. На вопрос о том, как в результате падения г-н Забчеков смог проломить себе черепную коробку, г-н Нечев объяснил, по словам заявительницы, что вскрытие показало, что «его черепная коробка была ненормально тонкой».

62. Днем 30 января 1996 г. заявительница и другие члены ее семьи заметили кровоподтеки на теле г-на Забчекова, когда его труп привезли из больницы. Заявительница обратилась в редакцию местной газеты, привела к себе домой двух журналистов, которые сфотографировали труп и одежду г-на Забчекова. Г-н Забчеков был похоронен в конце дня 30 января 1996 г.

63. 31 января и 1 февраля 1996 г. следователь допросил г-жу *И.М.* и г-жу *И.А.*

64. 31 января 1996 г. постановлением окружного прокурора г-жи Хаджидимитровой расследование было поручено Окружной военной прокуратуре (Окръжна военна прокуратура). Основанием этого решения было то, что г-н Забчеков умер, находясь под стражей. Окружной прокурор заявил, в частности, что:

«(...)За несколько часов до [смерти] несовершеннолетний Забчеков был задержан полицейскими в 1 час ночи 29 января 1996 г., когда он пытался украсть автомобильные детали, (...) и заключен под стражу в помещении дежурной части с целью ограничить его свободу передвижения. Хотя г-н Забчеков не был заключен под стражу на основании пункта 1 статьи 35 и пункта 1 (часть 1) статьи 33 Закона о национальной полиции [Закон за националната полиция], все-таки содержание в комиссариате было против его воли в течение приблизительно трех часов, и во время его пребывания [там] (...) его состояние здоровья внезапно ухудшилось, и он потерял сознание.»

3. Расследование, проведенное военными следственными органами

65. Получив 31 января 1996 г. материалы дела, окружная военная прокуратура начала следствие под новым номером (3-VIII/96, дело прокуратуры № 254/96). Дело было передано военному следователю (военен следовател).

В течение последующих недель военный следователь провел новые допросы причастных к делу полицейских, допросил пять человек, которые провели день и вечер 28 января с г-ном Забчековым, а также врачей Михайлова и Иванову.

66. Двое из полицейских, Пенчев (*A*) и Георгиев (*F*) упоминали об этническом происхождении г-на Забчекова в своих устных показаниях, собранных военным следователем.

A заявил, что когда он прибыл на улицу Бели Лом, он увидел двоих, выходящих из подъезда здания, причем один из них был «имевший приводе цыган Ангел Забчеков».

В своих показаниях *F*, называя сына заявительницы, употребил следующие слова: «цыган» (три раза), «задержанный» (семь раз) и «Забчеков» (два раза).

67. 12 марта 1996 г. следователь допросил свидетелей г-жу *I.A.* и г-жу *I.M.*, а также *C* и *D*. Его интересовало только, сколько раз г-н Забчеков упал во время погони на улице Бели Лом и где он падал.

18 марта 1996 г. следователь назначил эксперта, чтобы тот осмотрел одежду г-на Забчекова, которая была на нем 28 и 29 января 1996 г. В своем докладе от 20 марта 1996 г. эксперт заявил, что на одежде не было обнаружено никаких следов подошв обуви, объяснив при этом, что на очень мягких тканях обычно невозможно обнаружить микроскопические остатки частиц подошв обуви.

68. 20 марта 1996 г. следователь попытался восстановить картину событий, произошедших во время задержания г-на

Забчекова, с тем, чтобы уточнить свидетельские показания. В следственном эксперименте участвовали сержант Мутафов (С), молодой человек (D), с которым он там был 28 и 29 января 1996 г., а также две женщины, которые наблюдали происходившее с балкона - г-жа I. A и г-жа I.M. Полицейские, которые прибыли на улицу Бели Лом, после того как С схватил г-на Забчекова, в восстановлении обстоятельств события не участвовали. Следственный эксперимент почти исключительно касался событий, произошедших до прибытия двух полицейских машин, и был заснят на видеокамеру.

69. 11 апреля 1996 г. заявительница подала в прокуратуру г. Варна заявление, требуя эксгумации тела своего сына и назначения новой медицинской экспертизы на том основании, что ее сын был похоронен поспешно и что эксгумация имеет важное значение. Заявительница подозревала, что у ее сына были сломаны ребра. Она подала также следователю Атанасову два рентгеновских снимка черепа ее сына, сделанные за несколько месяцев до его смерти, с тем чтобы установить, были ли его черепные кости такие «хрупкие» или «тонкие».

70. 17–18 апреля 1996 г. были назначены пять медицинских экспертов для повторного рассмотрения заключения о причинах смерти г-на Забчекова. Один из экспертов – доктор Минчев входил в первую группу экспертов. Остальными были начальник отдела судебной медицины медицинского факультета г. Варна профессор Павлов, доктор Кючуков из отдела нейрохирургии университета и опытные врачи отдела судебной медицины того же университета Доков и Радойнова. Их попросили ответить на следующие вопросы:

«1. От каких ран пострадал г-н Забчев? Какова была причина смерти?

2. Каким образом раны были нанесены и в результате скольких ударов? Могли ли раны возникнуть в результате ряда падений (в соответствии с показаниями свидетелей и тем, что было установлено в результате отснятого на пленку следственного эксперимента) или они возникли в результате нанесения прямых ударов?

3. Когда эти раны были нанесены?

4. Каков был уровень опьянения у г-на Забчекова в момент его задержания, т.е. в 0 часов 15 минут?».

71. 26 апреля 1996 г. следователь провел очную ставку всех причастных к делу полицейских. В тот же день были допрошены еще три свидетеля.

23 мая 1996 г. заявительница повторила свою просьбу об эксгумации. 29 мая 1996 г. был допрошен еще один свидетель.

11 июня 1996 г. прокурор Окружной военной прокуратуры г-н Димитров направил заявительнице копию своего процессуального уведомления о том, что эксгумация тела может быть предусмотрена, если это будет признано необходимым пятью врачами экспертами, которые еще не представили своего заключения.

72. 28 июня 1996 г. пять экспертов представили свое («второе заключение»), составленное на основании изучения документов, приобщенных к расследованию. Эксперты также просмотрели видеокассету, где восстанавливались обстоятельства задержания г-на Забчекова, видеозапись была сделана 20 марта 1996 г.

73. Эксперты подтвердили, что причиной смерти г-на Забчекова был эпидуральный отек, вызванный переломом черепа. Они также заявили, что смертельная рана могла быть нанесена пинком ноги, ударом кулака или ударом тупым предметом или в результате падения или удара о «плоскую широкую поверхность» (широка удряша повърхност). Они отметили, что в заключении о результатах вскрытия нет никаких морфологических данных, которые позволили бы назвать предмет, которым были нанесены раны.

Во втором заключении указывалось, что удар, вызвавший перелом черепа, был не очень сильным. Этот вывод связан с «особыми характеристиками структуры черепа (как об этом свидетельств[овали]уют прилагаемые снимки и толщина черепной коробки, описанная [в заключении о результатах вскрытия]».

74. В отличие от первого заключения врачей, где было сказано, что с момента нанесения раны черепной коробке и смертью г-на Забчекова прошло 4-6 часов, в заключении пяти экспертов сделан следующий вывод:

«Гематома (...), повлекшая смерть г-на Забчекова, возникла у него не менее чем за десять часов до смерти. Это заключение основано на внешнем виде гематомы (сгустки крови темно красного цвета), что ясно видно на приобщенных к делу фотографиях. Подобного типа сгустки образуются более чем за десять часов с момента нанесения раны. В этот период состояние пациента обычно называют «промежутком сознания», ибо никаких видимых симптомов не проявляется. Постепенно его состояние ухудшается (...), у него болит голова, имеются нарушения речи и проблемы с координацией движений; [он] ощущает неустойчивость и сонливость, он пошатывается и т.д., а затем впадает в кому».

75. Фотографии, о которых упоминают эксперты, были сделаны во время вскрытия, которое началось в 11 часов 30 минут 29 января 1996 г.

76. Эксперты также посчитали, что из-за обнаруженного в крови г-на Забчекова количества алкоголя и его воздействия были затушеваны симптомы ранения в голову.

77. В докладе пяти экспертов говорилось также об остальных ранах, обнаруженных на теле г-на Забчекова:

«Гематома на правой стороне груди возникла в результате удара с помощью плоского предмета с широкой поверхностью или об него, это могли быть пинок ногой, падение или удар о более широкий предмет или иные предметы. Общий вид кровоподтека несет отпечаток одежды покойного, что указывает на то, что удар был нанесен через одежду (...). Кровоподтеки и раны на правой стороне лба, на уровне суставов запястий и на нижней губе возникли от удара твердыми тупыми и/или острыми предметами с небольшой контактной поверхностью. Характер ран на суставах запястий дает возможность сделать вывод, что они были нанесены в тот момент, когда на потерпевшем, согласно имеющейся информации, были надеты наручники (...)».

78. 25 июля 1996 г. следователь составил постановление с предложением прекратить дело.

79. 31 июля 1996 г. Окружная военная прокуратура прекратила дело на том основании, что между действиями полиции и смертью г-на Забчекова не было никакой связи. Это заключение основывалось на том выводе, который был представлен во втором заключении медицинских экспертов и который гласил, что между ранением и смертью прошло не менее десяти часов.

80. 6 августа 1996 г. заявительница подала жалобу в Государственную прокуратуру вооруженных сил (Прокуратура на вѳоръжените сили). Она утверждала, что расследование было неполным, что ей повторно отказали в эксгумации тела и что, по ее мнению, в показаниях свидетелей были противоречия, а также что не получили объяснения некоторые факты, в том числе и раны на теле г-на Забчекова.

81. 18 декабря 1996 г. Государственная прокуратура вооруженных сил подтвердила прекращение дела и отклонила жалобу заявительницы. В ее решении было сказано:

«Кроме использования физической силы во время задержания г-на Забчекова в связи с его попыткой ограбления машин, ничто не указывает на то, что полицейские прибегали к насильственным действиям в отношении данного лица – как (...) внутри комиссариата, так и за его (...) пределами. Кроме того, безапелляционное заключение пяти высоко

квалифицированных в своей области экспертов гласит, что смертельная рана была нанесена более чем за десять часов до смерти».

82. Было также решено передать дело в Окружную прокуратуру Разграда, с тем, чтобы выяснить, не было ли совершено преступное деяние не полицейскими, а кем-либо еще.

И. Остальные расследования, проведенные следственными органами

83. 20 января 1997 г. окружной прокурор г-жа Хаджидимитрова направила дело следователю Нечеву. Она отметила, что решение прекратить дело о неправомерных действиях полиции основывалось на заключении о том, что смертельная рана была нанесена более чем за десять часов до смерти г-на Забчекова. В связи с этим необходимо было собрать данные относительно обстоятельств, действий и состояния г-на Забчекова до 19 часов 28 января 1996 г.

84. В связи с дополнительным расследованием г-н Нечев допросил 23 января 1997 г. заявительницу и еще шесть других свидетелей.

85. 23 и 24 января 1997 г. заявительница подала ряд заявлений с тем, чтобы добиться эксгумации тела и повторного осмотра тела судебно-медицинским экспертом, утверждая, что в свидетельских показаниях есть противоречия. 31 января 1997 г. эти заявления были отклонены Окружной прокуратурой Разграда, которая посчитала их нецелесообразными.

86. Заявительница подала жалобу на имя Генерального прокурора (Главен прокурор). Она заявила, в частности, что ни один прокурор не объяснил, почему полиция не оказала соответствующей медицинской помощи г-ну Забчекову после его задержания.

87. 17 февраля 1997 г. г-н Нечев вызвал заявительницу (в лице ее адвоката) для ознакомления с материалами расследования. Заявительница подала ряд заявлений и возражений относительно пробелов в расследовании. В частности, она обратила внимание на наличие существенных противоречий между первым и вторым заключениями медицинских экспертов и заявила, что совершенно невозможно, чтобы человек с такой тяжелой раной, как та, что была констатирована при вскрытии, мог красть автомобильные детали и оказывать сопротивление во время задержания. Заявительница снова потребовала эксгумации тела и назначения экспертов, чтобы они

ответили на вопросы, которые были поставлены в ее предшествующих жалобах.

88. 18 февраля 1997 г. г-н Нечев составил постановление, где говорилось, что дополнительное расследование, о котором было принято решение 20 января 1997 г., не вскрыло ни одного нового обстоятельства, которое доказывало бы, что г-н Забчеков был избит до своего задержания. Поэтому он предложил прекратить расследование.

89. Своим постановлением от 4 марта 1997 года окружной прокурор г-жа Хаджидимитрова прекратила уголовное производство на том основании, что были собраны все существующие доказательства, и что точно невозможно определить конкретные обстоятельства, при которых была нанесена смертельная рана в голову.

90. В этом решении учитывались и подтверждались выводы военных прокуроров, особенно в отношении перелома черепа. Что касается остальных телесных повреждений, то прокурор заявила, что они не представляли опасности для жизни г-на Забчекова.

В решении также упоминалось, что г-н Забчеков был в полном здравии, когда его привели в комиссариат.

91. 10 марта 1997 г. заявительница подала на имя Генерального прокурора жалобу на решение прекратить производство по делу. 20 марта 1997 г. Генеральная прокуратура подтвердила это решение.

К. Другие материалы и информация, представленные сторонами

92. Заявительница представила четыре цветные фотографии тела своего сына и одну фотографию пиджака, который был на нем перед смертью. Фотографии были сделаны журналистами 30 января 1996 г. дома у заявительницы после вскрытия и доставки тела домой для захоронения.

93. На двух фотографиях видно лицо г-на Забчекова. Половина его лба закрыта волосами. Над левой надбровной дугой имеется кровоподтек багрового цвета. Левое веко синеватого оттенка. С левой стороны рта распухшие губы.

94. На двух других фотографиях виден кровоподтек багрового цвета с правой стороны груди г-на Забчекова, который доходит частично до правой подмышки. Видны раны на правом запястье жертвы.

95. Через неправительственную организацию в Будапеште - Европейский центр по правам цыган, заявительница обратилась к профессору Йоргену Томсену, патологоанатому Института судебной

медицины университета Дании в Оденсе и члену постоянной группы экспертов ООН по судебной медицине, дата обращения не указана. Профессор Томсен представил письменное заключение 4 февраля 1999 г. Среди прочих документов ему были представлены описание предполагаемых обстоятельств дела и выписки из протокола вскрытия, а также заключения судебно-медицинских экспертов. Профессор Томсен заявил, в частности, следующее:

«Эпидуральная гематома обычно возникает в результате падения и удара о твердую поверхность или сильного удара, нанесенного тупым предметом. Известно, что падение и ушиб о твердую поверхность часто оставляют так называемые ответные повреждения. Жаль, что нет упоминаний ни о наличии, ни об отсутствии таких повреждений. Что касается заявлений по поводу хрупкости черепной коробки покойного, то мне кажется, что это не может считаться извинением в случае применения насильственных действий между людьми, ибо обычно не известно, какие у человека черепные кости, твердые или хрупкие, а хрупкость черепной коробки может быть следствием насильственных действий. Обычно эпидуральная гематома сопровождается переломом (трещиной) височной кости и разрывом средней менингеальной артерии. Таким образом, происходит артериальное кровоизлияние, но сначала оно ограничено примыкающей твердой мозговой оболочкой, поэтому человек не теряет сознания в течение нескольких часов, но часто этот интервал длится не более двух-трех часов. Если травма затронула мозг, т.е. были сотрясение и ушибы, то такого интервала вообще нет.

Я поддерживаю заключение судебно-медицинских экспертов о том, что причиной смерти была эпидуральная гематома, что связано с одной из вышеуказанных травм. Возможно, что это произошло во время задержания потерпевшего, но ни в коем случае нельзя исключать того, что смертельная рана ему была нанесена во время его пребывания в комиссариате. Я не согласен с утверждением о том, что между нанесением травмы и смертью был десятичасовой промежуток времени. Это заключение сделано по внешнему виду сгустков крови. А ведь известно, что после смерти человека его кровь может принимать разные формы и что даже после смерти происходит ферментативная биохимическая активность, которая может непредвиденно, по-разному и в разных местах изменить кровь.

Что касается других травм, то мне кажется, что они не связаны с эпидуральной гематомой. Они являются результатом грубых действий таких как: удары, пинки и/или падения, и могли быть нанесены во время содержания под стражей. Следы на запястьях свидетельствуют о том, что на них были наручники. Обычно наручники не оставляют следов, если только они не слишком узкие, или если человек отбивается или если его тащат за наручники.

В заключение следует отметить, что невозможно установить, возникла ли гематома из-за падения или из-за иных грубых насильственных действий. Она могла быть нанесена непосредственно перед или во время содержания под стражей в комиссариате. Эпидуральная гематома излечима, если вовремя сделана хирургическая операция по ее извлечению. Если бы г-н Забчеков поступил в больницу быстро, он был бы спасен».

96. Заявительница сообщила, что г-н Забчеков был на учете в Педагогическом центре для несовершеннолетних правонарушителей (Детска педагогическа стая) и в полиции Разграда в связи с многочисленными обвинениями в краже.

97. В справке вышеуказанного центра от 3 июля 1995 г., представленной в полицию Разграда, говорится, что г-н Забчеков, шестнадцати лет, страдал нарушениями речевой деятельности и был умственно отсталым. Это же отмечено и в другой справке от 18 ноября 1995 г.

Как сообщило правительство, 7 ноября 1995 г. заявительницу допрашивал следователь Разграда в связи с уголовным делом по кражам, в которых обвинялся ее сын г-н Забчеков. Она заявила, в частности, что ее сын всегда заикался. Он был болен с трехлетнего возраста. Например, были моменты, когда он не мог дышать, и его кожа становилась синей. У него часто были распухшие глаза, и он терял сознание, когда испытывал внезапный страх. Врачи установили проблемы с позвоночником. Заявительница упоминала фамилию врача Мичевой, у которой были все результаты анализов, которые сдавал сын заявительницы.

98. 14 декабря 1995 г. г-н Забчеков был допрошен в связи уголовным делом о кражах. На вопрос о его здоровье он ответил, что он подвержен обморокам, у него частые головные боли и обмороки, а также болят глаза. 4 января 1996 г. следователь Окружного следственного отдела Разграда завел уголовное дело на г-на Забчекова и других лиц по обвинению в краже. Во время допроса 15 января 1996 г. г-н Забчеков сказал, что он лечится у психиатра

доктора Мичевой и что он принимает лекарства. Адвокат г-на Забчекова потребовал провести психиатрический осмотр, который был назначен на 30 января 1996 г.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО

А. Закон о национальной полиции (Закон за полицията), действовавший на момент событий

99. Пункт 1 статьи 35 данного закона гласил:

«Для препровождения лица в [место содержания под стражей] органы полиции обязаны вынести письменное постановление о его заключении под стражу».

Б. Уголовно-процессуальный кодекс (Наказателно-процесуален кодекс)

100. В соответствии со статьей 388 данного кодекса военные трибуналы рассматривают уголовные дела, в которых подследственными могут быть, например, полицейские. Если дело подсудно военному трибуналу, то предварительное расследование проводится военными следователями и прокурорами.

101. Статья 362 (подпункт 4 пункта 1) вместе со статьей 359 предусматривают, что если Европейский Суд по правам человека вынесет решение о «серьезном» нарушении Конвенции в уголовном деле, по которому принято судебное решение, то правоохранительные органы должны потребовать повторного рассмотрения данного дела судебным органом по подсудности.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

102. Заявительница утверждает, что с ее сыном жестоко обращались и что он умер из-за ран, нанесенных полицейскими, что во время содержания под стражей ему вовремя не была оказана медицинская помощь, и что государственные органы не провели реального тщательного расследования.

Статья 2 Конвенции гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение

преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта, мятежа».

А. Вопрос о том, умер ли г-н Забчеков в результате жестокого обращения во время содержания под стражей

1. Доводы сторон

а) Заявительница

103. Заявительница утверждает, что объяснения правительства, основанные на двух основных доводах о том, что смертельная рана была нанесена задолго до задержания г-на Забчекова, а остальные раны были нанесены во время погони, не являются убедительными, ибо оно не согласуется с имеющимися доказательствами.

104. Что касается раны в голову, заявительница утверждает, что выводы второго заключения судебно-медицинской экспертизы весьма подозрительны, ибо без каких бы то ни было объяснений они расходятся с первым заключением. И не зная об этих противоречиях, власти поспешили опереться на второе заключение. А его вывод, касающийся времени нанесения смертельной раны, основывался исключительно на форме сгустка крови, как он был виден на фотографии, сделанной через шесть часов после смерти. По мнению заявительницы, мысль о том, что рана в голову была нанесена за десять часов до смерти г-на Забчекова, т.е. в 18 часов 45 минут 28 января 1996 г., не согласуется с доказательствами и совершенно не соответствует реальности. Невозможно представить, чтобы никто из тех многих людей, которые говорили с ним и видели его, не заметили такой серьезной раны, которая, в конце концов, привела к смерти. Кроме того, правительство не представило никаких серьезных доказательств в подтверждение своей подразумеваемой мысли о том, что так называемый «постоянный хронический невроз» г-на Забчекова увеличил шансы того, что

смертельная рана была якобы нанесена «падением на (...) широкую плоскую поверхность».

По мнению заявительницы, представленное правительством объяснение по остальным ранам г-на Забчекова – на груди, лице и правом запястье – просто явно неправдоподобно. Такие раны не могли возникнуть в результате его падения на землю, пока он бежал, ни при нормальном ношении наручников. На самом же деле происхождение этих травм никогда не расследовалось, а правительство просто дало свою произвольную версию для защиты настоящего дела. На самом деле, совершенно очевидно, что эти раны возникли в связи с плохим обращением, и поскольку нет доказательств обратного, они были нанесены, по-видимому, в тот же момент, когда и смертельная рана в голову.

105. Кроме того, заявительница считает особенно удивительным тот факт, что не было дано никакого объяснения подозрительному поведению полицейских и их явной попытке фальсифицировать записи в регистрационном журнале.

б) Правительство

106. Ссылаясь на второе заключение судебно-медицинской экспертизы, правительство утверждает, что смертельная рана была нанесена более чем за десять часов до наступления смерти г-на Забчекова и соответственно задолго до его задержания.

Никто не оспаривает тот факт, что г-н Забчеков выпил большое количество алкоголя до своего задержания. Он был пьян и спотыкался. Из доказательной части явствует, что, убегая, он падал несколько раз.

По мнению правительства, поведение молодого человека во время задержания и содержания под стражей, (которое соответствует симптомам, характеризующим «интервал сознания» после перелома черепа) подтверждает заключение медицинских экспертов по поводу момента нанесения смертельной раны.

107. Правительство подчеркивает, что имеются противоречия в заявлениях свидетелей по поводу фактов и действий г-на Забчекова до его задержания.

Кроме того, заявительница неоднократно заявляла в 1995 г., что ее сын болен - в более молодом возрасте он иногда терял сознание и задыхался. Сам г-н Забчеков подтвердил в 1995 г., что он страдает мигренями и потерей сознания. Правительство из этого делает вывод, что было вполне веским заключение экспертов о том, что смертельная рана г-на Забчекова могла быть вызвана падением и ударом о широкую твердую поверхность.

108. Правительство подчеркивает отсутствие доказательств того, что полицейские плохо обращались с молодым человеком. По его мнению, раны на груди и лице г-на Забчекова вызваны его падениями на землю, а травмы на запястьях – обычным ношением наручников.

2. Мнение Суда

а) Общие принципы

109. Статья 2 Конвенция, защищающая право на жизнь, является одной из статей первостепенной важности Конвенции. Вместе со статьей 3 она закрепляет основополагающие ценности демократических обществ, формирующих Совет Европы. Предмет и цель Конвенции, как инструмента защиты человека, требуют такого толкования и применения статьи 2, чтобы ее требования были конкретными и реальными (см. дело *McCann et autres c. Royaume Uni*, постановление от 27 сентября 1995 г., Серия А 324, стр. 45-46, §§ 146-147, а также *Salman c. Turquie* [GC], № 21986/93, § 97, CEDH 2000–VII, и *Velikova c. Bulgarie*, № 41488/98, CEDH - VI).

110. В связи с тем, что статья 2 гарантирует высокую степень защиты, Суд обязан очень внимательно рассматривать все пункты претензий, относящихся к смертельным случаям, и принимать во внимание все существенные обстоятельства.

Положение лиц, находящихся под стражей, является уязвимым, поэтому власти обязаны обосновать свои действия по отношению к ним. В связи с этим, если, находясь в полном здравии, человек задержан и содержится под стражей, а затем умирает, то государство обязано представить веское объяснение фактов, которые привели к смерти (см, *mutatis mutandis*¹, дело *Selmouni c. France* [GC], № 25803/94, § 87, CEDH 1999-V, а также вышеуказанные дела *Salman u Velikova*).

111. Для оценки доказательств Суд принял критерий «исключения разумных сомнений» (дело *Irlande c. Royaume-Uni*, постановление от 18 января 1978, Серия А № 25, стр. 64-65, § 161). Однако такое доказательство может основываться на целом ряде признаков и неопровержимых презумпций, в достаточной степени серьезных, точных и согласующихся. Если события, о которых идет речь, известны только компетентным органам, как, например, при содержании под стражей, то любая рана или смерть, наступившая в течение периода содержания под стражей, служит сильным

¹ Лат. «с учетом различий» - прим. перев.

косвенным доказательством. И действительно, в этом случае бремя доказывания следует перенести на административные органы – они должны представить удовлетворительное убедительное объяснение (вышеуказанное дело *Salman*, § 100).

б) Применение данных принципов в настоящем деле

112. Суд отмечает, что г-н Забчеков скончался после своего содержания под стражей в течение нескольких часов в комиссариате Разграда, куда его привели после недолгой погони за ним полицейского, который в тот момент не находился на официальном дежурстве.

Таким образом, правительство обязано представить веское объяснение кончины г-на Забчекова.

113. По утверждению правительства, нельзя приписывать смерть г-на Забчекова жестокому обращению со стороны полицейских, поскольку, как явствует из второго заключения судебно-медицинской экспертизы, смертельная рана (перелом черепа) была нанесена не менее чем за десять часов до наступления смерти, т.е. до 19 часов 28 января 1996 г., в то время как встреча г-на Забчекова с полицейскими произошла лишь через пять часов.

114. Суд отмечает, что вывод второго заключения относительно момента нанесения раны, основан на визуальном рассмотрении фотографии кровяного сгустка, сделанной через шесть часов после смерти г-на Забчекова. Эксперты даже не упомянули о том, почему они посчитали, что сгусток не претерпел никаких изменений после смерти юноши. В соответствии с медицинским заключением, представленным заявительницей (которое правительство не оспаривает), такие изменения, без сомнения, произошли и должны были быть приняты во внимание.

Кроме того, во втором заключении судебно-медицинской экспертизы, который основывался только на документальных данных, имелись расхождения с важнейшими пунктами первого заключения, при этом не было объяснено, в чем состоит неправильность выводов первого заключения о силе удара и о моменте наступления перелома черепа. А ведь первое заключение было сделано на основе непосредственного осмотра тела погибшего (см. выше пункты 53-59, 70 и 72-77).

По мнению Суда, все вышеизложенные замечания заставляют серьезно усомниться в выводах второго заключения.

115. Действительно, некоторые факты данного случая невозможно объяснить с предельной ясностью, так как заявления о том, что в момент задержания г-н Забчеков спотыкался и что-то

бормотал, с одной стороны, доказывают, что он уже был ранен, но, с другой стороны, это могло быть связано с его, по всей видимости, значительным алкогольным опьянением (см. выше пункты 11, 22, 28, 59, 60, 74, 76 и 95).

116. В то же время, если г-н Забчеков действительно был ранен до 19 часов 28 января 1996 г., как это утверждается во втором заключении, это означает, что он вышел на прогулку вместе со своими друзьями, отправился в бар, а потом решил украсть автомобильные детали, имея при этом перелом черепа. Это все-таки кажется невероятным, даже если учесть так называемый «интервал сознания» в промежутке между получением раны и смертью. Отметим, в частности, что никто не оспаривает тот факт, что г-н Забчеков смог убежать, когда С попытался его схватить и что он нормально шел, когда его вели в комиссариат (см. выше пункты 12-14, 16 и 29).

117. Суд отмечает, что в соответствии с первым заключением экспертизы перелом черепа был, по всей вероятности, совершен за четыре–шесть часов до смерти г-на Забчекова, а значит, во время содержания под стражей, либо до прибытия в комиссариат, либо после (см. выше пункт 59).

Кроме того, другие раны на теле г-на Забчекова могли быть следствием тех же событий, которые повлекли за собой перелом черепа (см. выше пункты 55, 56, 58, 77 и 92-94).

118. По заявлению правительства, г-н Забчеков мог ушибиться при падении на землю – еще до встречи с полицией или во время погони – поскольку он был пьян, и у него в прошлом были проблемы со здоровьем. По мнению правительства, следы на запястьях от наручников являются совершенно нормальным явлением их обычного применения.

119. Однако, все эти заявления не подтверждены с медицинской точки зрения, поскольку в отчете о вскрытии нет упоминания ни об отсутствии, ни о наличии «ответных повреждений» от ударов после падения (см. выше пункты 73 и 95).

Кроме того, по мнению Суда, весьма показательным то, что никто из свидетелей, имевших контакт с сыном заявительницы вплоть до его прибытия в комиссариат, не сообщал, что он жаловался на какие бы то ни было боли.

Что касается ношения наручников, в соответствии с представленным заявительницей медицинским заключением, наручники могут оставлять следы, если они очень узкие или если человек отбивается или если его тащат за них. Вскрытие показало небольшой след на левой руке г-на Забчекова и огромный кровоподтек на правой руке (см. выше пункты 55, 56, 58 и 95).

Сообщалось также, что с помощью наручников задержанного приковывали к дереву. В связи с этим представляется совершенно невероятным, что рана на правом запястье возникла в связи с нормальным ношением слишком узких наручников. В то же время оба других объяснения того, что г-н Забчеков отбивался и что его волокли, могут подтвердить мысль о том, что с ним жестоко обращались.

И наконец, Суд считает, что информация о заболевании, которым якобы страдал г-н Забчеков, не является ни достоверной, ни веской. Она основана на его собственных заявлениях и заявлениях его матери, сделанных при допросах по уголовным обвинениям, которые в любом случае не могут привести к разумному заключению относительно перелома черепа и остальных ран (см. выше пункты 96-98).

Таким образом, в свете всех рассмотренных обстоятельств утверждение правительства о том, что г-н Забчеков ударился при падении, представляется совершенно невероятным.

120. Оценивая представленные доказательства, Суд обратил внимание на информацию, которая свидетельствует о том, что полицейские вели себя подозрительно, а также на то, что власти посчитали их свидетельские показания достойными доверия, вопреки серьезным моментам, требующим осторожности.

Подозрительное поведение полицейских явствует, например, из следующего: в период времени между 3 и 5 часами ночи 29 января 1996 г. они долго не вызывали врача и возможно попытались выбрать врача для осмотра потерпевшего (см. выше пункты 32-40); они, по-видимому, солгали, когда сказали доктору Михайлову, что привели г-на Забчекова в том же состоянии, в котором врач его увидел к 5 часам (см. выше пункт 39); в регистрационном журнале задержаний есть фальсификации (см. выше пункты 41-46), и г-н Забчеков был зарегистрирован после события как «не установленная личность», в то время как он был известен в полицейских участках по подозрению в кражах, и его полицейские узнали сразу, как только увидели.

Все это весьма серьезные признаки, и они должны были повлечь серьезные расследования, чего не было сделано.

121. Таким образом, с учетом всех относящихся к делу обстоятельств смерти г-на Забчекова Суд не считает вескими объяснения правительства, которые основаны на выводах второй судебно-медицинской экспертизы и касаются момента нанесения смертельной раны и предположения о том, что юноша сам ушибся при падении. Никакого иного объяснения правительство не представило.

122. Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

Б. Вопрос о непредоставлении своевременной медицинской помощи

1. Доводы сторон

123. По утверждению заявительницы, увидев, что юноша дрожит и спотыкается, полицейские в результате своих каких-то подозрительных действий в промежутки времени с 3 до 5 часов ночи сильно запоздали с вызовом врача. По мнению заявительницы, наиболее вероятным объяснением этому является следующее: подобное поведение свидетельствует о попытке избежать контакта г-на Забчекова с независимым врачом, который обнаружил бы следы жестокого обращения. К этому следует добавить и небрежное отношение к состоянию задержанного. В обоих случаях такая задержка оказалась фатальной.

124. По мнению правительства, полицейских нельзя считать ответственными за то, что они не поняли, что г-н Забчечков нуждался в срочной медицинской помощи. Когда они его увидели в первый раз, было темно. Кроме того, молодой человек был пьян, в пыли, кровоподтек над левой бровью у него был закрыт волосами. Симптомы состояния г-на Забчечкова оценивались в связи с действием алкоголя. На боли он не жаловался. Медицинскими экспертами было подтверждено, что пока он был в сознании, не было никаких явных признаков серьезной проблемы.

2. Оценка Суда

125. Ссылаясь на свой вывод о подозрительном поведении полицейских (см. выше пункт 120), Суд констатирует, что полицейские предоставили г-ну Забчечкову медицинскую помощь с запозданием, и что это запоздание оказалось решающим и привело к смертельному исходу.

126. Правительство считает, что, поскольку полицейские не являются профессионалами в медицинских вопросах, их нельзя критиковать за то, что они не поняли, что необходима была скорая помощь.

127. Однако, этот аргумент не может быть принят, ибо никто не оспаривает, что после 3 часов полицейские уже поняли, что состояние г-на Забчечкова ухудшается. Но даже и в этот момент, вместо того, чтобы вызвать скорую помощь, они начали связываться

со своими коллегами, которые участвовали в задержании юноши. А эти полицейские, вместо выполнения своих обязанностей по патрулированию, посчитали возможным прекратить выполнение своих обязанностей и вернулись в комиссариат для определения ситуации. Увидев состояние г-на Забчекова, они сами пошли в больницу и вернулись с машиной скорой помощи, вместо того, чтобы быстро ее вызвать (см. выше пункты 32 – 40).

128. Кроме того, показательно, что в материалах дела нет никаких следов критических замечаний или порицаний по поводу решения медицинских проблем задержанного.

129. Как явствует из заключения первой экспертизы и представленной заявительницей заключения эксперта, опоздание с оказанием медицинской помощи привело к летальному исходу (см. выше пункты 59 и 95).

130. В связи с этим, Суд считает, что поведение полицейских в период между 3 и 5 часами 29 января 1996 г. и бездействие властей нарушили обязанность, которая лежит на государстве по защите жизни лиц, содержащихся под стражей.

131. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции.

В. Вопрос о заявленной неэффективности расследования

1. Доводы сторон

132. По мнению заявительницы, расследование смерти ее сына было недостаточным в связи с тем, что власти не провели никакого расследования относительно фальсификации записей в регистрационном журнале после смерти ее сына, относительно ран, не имевших летального исхода, странного поведения полицейских в промежуток времени между 3 и 5 часами, причин, из-за которых произошла приблизительно в 5 часов ссора между двумя врачами, а также того, почему в первых сообщениях, полученных семьей заявительницы о смерти г-на Забчекова, не было никаких упоминаний о его задержании.

133. Заявительница утверждает также, что в связи с традиционными связями между прокурорами, следователями и полицейскими и с отсутствием всякого судебного надзора за принимаемыми решениями об отсутствии состава преступлений, органы, принимающие решение и отвечающие за качество расследований по вопросу жестокого обращения полицейских, не были ни достаточно независимыми, ни беспристрастными.

Кроме того, по мнению заявительницы, это положение вещей есть отражение в более широком плане политики, которая отмечалась международными организациями. Заявительница ссылается на доклад Специального докладчика по пыткам Комитета по правам человека ООН (Документ E/CN.4/1997/7 от 10 января 1997 г.), в котором на странице 9 говорится:

«Специальный докладчик выражает озабоченность в связи с частыми указаниями на случаи пыток или жестокого обращения, которые иногда приводят к смерти лиц, содержащихся под стражей [в Болгарии]. Так как меры дисциплинарного воздействия и уголовные преследования применяются довольно редко, и крайне редко возбуждались дела в отношении ответственных лиц, все это способствует возникновению обстановки безнаказанности. По мнению Специального докладчика, правительство должно взять на себя миссию по созданию механизма для обеспечения независимого и систематического надзора за соблюдением условий задержания, содержания под стражей и допросов со стороны различных правоприменительных органов».

134. По утверждению заявительницы, органы власти неоднократно плохо ее информировали о ходе расследования и о выводах следствия, она целиком и полностью получила доступ к материалам дела только в феврале 1997 г., т.е. позже чем через год после смерти сына.

135. Правительство утверждает, что расследование было тщательным и быстрым, и ссылается на многочисленные допросы, доклады экспертов и другие меры расследования. Заявительница смогла ознакомиться с материалами дела, подать жалобы и ходатайствовать о дополнительном расследовании. В эксгумации трупа ее сына ей было отказано вполне обоснованно, ибо было совершенно ясно установлено, что ребра г-на Забчекова были целы.

2. Мнение Суда

а) Общие принципы

136. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь, предусмотренная статьей 2 Конвенции, вместе с общим возложенным на государство долгом, закрепленным статьей 1 Конвенции, обеспечивать «каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией права и свободы, определенные в (...) Конвенции», подразумевает также требование о том, что должно быть проведено

официальное и эффективное расследование, если применение силы привело к смерти человека. Расследование должно быть полным, беспристрастным и тщательным (см. вышеуказанные дела *McCann et autres*, стр. 49, §§ 161-163; *Kaya c. Turquie*, от 19 февраля 1998 г., *Сборник постановлений и решений*, 1998-I, стр. 329, § 105 и дело *Çakici c. Turquie* [GC], № 23657/94, § 86 CEDH 1999- IV).

137. Речь идет, главным образом, о том, чтобы с помощью такого расследования обеспечить реальное исполнение внутреннего законодательства, защищающего право на жизнь, а в тех делах, где участвуют должностные лица или органы государства, гарантировать, что им придется отчитаться за случаи смерти лиц, находившихся под их ответственностью (см., например, *mutatis mutandis*, дело *Ilhan c. Turquie* [GC], № 22277/93, § 63, CEDH 2000-VII).

138. Для эффективного проведения расследования по делу о возможном незаконном убийстве, совершенном государственными должностными лицами, необходимо, как обычно считают, чтобы проводящие расследование лица не зависели от причастных к убийству лиц (см., например, постановления по делам *Güleç c. Turquie* от 27 июля 1998 г., *Сборник* 1998-IV, стр. 1733, §§ 81-82 и *Oğur c. Turquie* [GC], № 21594/93, §§ 91-92, CEDH 1999-III). В этом случае необходимо не только отсутствие иерархической или ведомственной подчиненности, но также и наличие конкретной независимости (см., например, дело *Ergi c. Turquie*, постановление от 28 июля 1998 г., *Сборник* 1998-IV, стр. 1778-1779, §§ 83-84, где речь шла о прокуроре, проводившем расследование смерти девушки, наступившей, по утверждению истца, во время стычки, и не проявившем должной независимости, поскольку он в основном принимал во внимание информацию причастных к делу жандармов).

139. Расследование должно быть также эффективным в том смысле, что оно должно дать возможность выявить и наказать причастных к этому лиц. В этом случае речь идет не об обязанности достижения результата, а об обязанности приложить все усилия без гарантии результата. Государственные органы должны были принять разумные меры, имеющиеся в их распоряжении, чтобы получить доказательства по расследуемым фактам, включая среди прочего показания очевидцев, судебно-медицинскую экспертизу и, если необходимо, вскрытие, которое может дать полную и точную картину травм, а также объективный анализ клинических выводов, касающихся, в частности, причины смерти (относительно вскрытий см., например, вышеуказанное постановление по делу *Salman*, § 106, относительно свидетелей – *Tanrikulu c. Turquie* [GC], № 23763/94, §

109, CEDH 1999-IV; относительно судебно-медицинских экспертиз - *Gül c. Turquie*, № 22676/93, § 89 от 14 декабря 2000 г.).

Любое нарушение расследования, уменьшающее возможности установить причину смерти или выявить ответственных за это, может привести к заключению о том, что оно не отвечает этой норме.

140. Население должно иметь достаточно возможностей, чтобы следить за ходом расследования или его выводами, чтобы ставить вопрос об ответственности как в теории, так и на практике, чтобы сохранять доверие к тому, что власти соблюдают принцип верховенства права и чтобы предупреждать всякое появление сговора или терпимости в отношении незаконных действий. Какова должна быть при этом степень контроля со стороны населения, зависит от каждой конкретной ситуации. Однако в любом случае близкие потерпевшего должны участвовать в этой процедуре в той мере, в какой это необходимо для защиты их законных интересов (в вышеуказанном деле *Güleç* отец потерпевшего не был извещен о принятом решении об отсутствии состава преступления, стр. 1733, § 82). В вышеупомянутом деле *Oğur* семья потерпевшего не смогла ознакомиться с материалами расследования и с процедурой (§ 92); см. также вышеуказанное постановление по делу *Gül*, § 93); полное изложение соответствующей судебной практики см. в деле *McKerr c. Royaume-Uni*, № 28883/95, §§ 111-115, CEDH 2001 –III).

б) Применение данных принципов в настоящем деле

141. Подобно правительству Суд констатирует, что в настоящем деле был проведен ряд расследований. Они начались быстро, и органы власти работали активно. Было проведено вскрытие, большинство свидетелей было допрошено неоднократно, были организованы две очные ставки и следственный эксперимент по восстановлению обстоятельств дела, были собраны и проанализированы и другие существенные доказательства.

142. Однако, как отмечает Суд, оказалось невозможным установить, какой предмет вызвал перелом черепа, поскольку некоторые морфологические данные и информация об отсутствии и наличии ответных повреждений на теле не были отражены в отчетах вскрытия.

Кроме того, весьма показательно то, что никто не предложил полицейским объяснить, почему был фальсифицирован регистрационный журнал задержаний, почему они сразу не вызвали скорую и почему они, очевидно, дали ложные сведения доктору

Михайлову. Все эти вопросы являются ключевыми, они явно должны были возникать во время слушаний и очных ставок.

Проведенный 20 марта 1996 г. следственный эксперимент по неясным причинам касался исключительно числа и мест падений на землю г-на Забчекова во время его попытки убежать, и обошел молчанием события в комиссариате, время, прошедшее с момента задержания юноши, вплоть до его прибытия в комиссариат, а также тот момент, когда он лежал на земле, пристегнутый наручниками к дереву, или когда был один с сержантом Мутафовым (С) и его другом (D) (см. выше пункты 21, 26, 29-40 и 68).

Кроме того, не видно признаков быстрого прибытия следователя на место задержания г-на Забчекова на улицу Бели Лом. Это место инспектировал в 11 часов утра 29 января 1996 г. полицейский того же комиссариата, что и причастные к делу полицейские.

И наконец, в расследовании основное внимание уделено происхождению раны черепа и времени ее нанесения, а остальные следы на теле не вызвали большого внимания.

Правительство не представило никаких объяснений относительно этих упущений.

143. Суд отсылает также к своим изложенным выше выводам о том, что свидетельские показания полицейских были расценены при расследовании как вызывающие полное доверие, хотя их поведение было подозрительным. Несмотря на явные противоречия выводов двух экспертиз, власти приняли выводы второй экспертизы, не попытавшись даже выяснить различия (см. выше пункт 120). Кроме того, решение правоохранительных органов прекратить расследование основано исключительно на выводе второй экспертизы о времени получения травмы потерпевшим, но основание для этого вывода представляется весьма спорным (см. выше пункты 79, 81, 84 и 88-90).

144. Таким образом, по мнению Суда, расследование было лишено необходимых объективности и тщательности, что решающим образом помешало установлению причины смерти г-на Забчекова и ответственных за это лиц. Эффективность расследования не может оцениваться по количеству представленных заключений, допрошенных свидетелей и иных следственных действий.

145. По утверждению заявительницы, недостатки расследования в данном случае отражают общую проблему, связанную с независимостью, беспристрастностью и признанием публичной ответственности перед людьми органов, которые обязаны расследовать случаи жестокого обращения полицейских.

Поскольку по этим особым обстоятельствам дела Суд уже пришел к вводу о том, что расследование обстоятельств смерти сына заявительницы не было ни достаточно объективным, ни тщательным, он не видит необходимости выносить решение по этим дополнительным пунктам притязаний заявительницы.

146. Суд считает, что государство-ответчик не выполнило лежащую на нем обязанность в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Конвенции провести эффективное расследование обстоятельств смерти г-на Забчекова.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

147. Заявительница жалуется, что с ее сыном жестоко обращались перед его смертью. Она ссылается на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

148. Доводы сторон представлены выше в пунктах 103 – 108.

149. Выше Судом было отмечено, что правительство не дало веских объяснений наличия травм на теле г-на Забчекова.

Эти травмы являются признаком бесчеловечного обращения и превышают степень тяжести, допускаемую статьей 3 Конвенции.

Таким образом, имеет место нарушение данного положения.

150. Суд не считает необходимым отдельно рассматривать в свете статьи 3 заявления о недостатках расследования (см. дело *Mahmut Kaya c. Turquie*, № 22535/93, § 120, CEDH 2000-III), поскольку он уже вынес свое решение по этому вопросу на основе статьи 2 Конвенции (см. выше пункты 132-146).

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

151. Ссылаясь на статью 5 Конвенции, заявительница утверждает, что содержание под стражей ее сына в ночь с 28 на 29 января 1996 г. было незаконным, так как не было официального постановления о его задержании, и что задержание не было должным образом оформлено.

Соответствующие положения статьи 5 Конвенции гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(...)

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(...».

152. По мнению заявительницы, совершенно абсурдно считать, что предусмотренный законом срок содержания под стражей в двадцать четыре часа начинает исчисляться, как это утверждает правительство, с момента установления личности задержанного. В болгарском праве нет подобной нормы. Любое содержание под стражей без письменного постановления является нарушением статьи 35 закона о национальной полиции. Кроме того, в данном случае полицейские узнали г-на Забчекова сразу же и обращались к нему по фамилии.

153. Правительство утверждает, что в момент привода г-на Забчекова в комиссариат он не считался «заключенным под стражу» по смыслу статьи 35 закона о национальной полиции, так как его личность не была установлена. Полицейским пришлось ждать, пока он протрезвеет, чтобы установить его личность и соответственно решить, требуется ли содержание под стражей. Поэтому письменное постановление о задержании не требовалось. Такое постановление не выносится, если личность задерживаемого не установлена.

Правительство, кроме того, заявило, что в любом случае налицо были законные основания для задержания: г-н Забчекоев был схвачен в тот момент, когда он пытался совершить кражу, и был приведен в комиссариат для установления личности.

154. Суд напоминает, что термины «законно» и «в порядке, установленном законом», фигурирующие в пункте 1 статьи 5 Конвенции, отсылают, главным образом, к национальному законодательству и закрепляют обязанность соблюдать материально-правовые и процессуальные нормы, но, кроме всего прочего, и обеспечивать соответствие любого лишения свободы цели статьи 5 – защищать лиц от произвольного лишения свободы. Поэтому Суд должен убедиться, что внутреннее право соответствует Конвенции, в том числе и провозглашенным и применяемым ею принципам (см. среди прочих постановление по делу *Graustlys c. Lituanie*, № 36743/97, § 39, 10 октября 2000 г.).

Непризнание содержания лица под стражей представляет собой полное отрицание основных гарантий, закрепленных статьей 5 Конвенции и крайне серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записей по таким данным, как дата и час задержания, место содержания под стражей, фамилия задержанного, а также причины задержания и фамилия лица, производшего задержание, должны быть признаны несовместимыми с требованиями законности задержания и с самой целью статьи 5 Конвенции (дело *Kurt c. Turquie*, постановление от 25 мая 1998 г., *Сборник 1998-III*, стр. 1185-1186, § 125 и вышеуказанное дело *Çakici*, §§ 104 и 105).

155. В настоящем деле абсолютно бесспорно, что задержание г-на Забчекова было произведено без письменного постановления, которое требуется статьей 35 закона о национальной полиции. Вопреки утверждению правительства, разумное толкование данного положения никак не может привести к разрешению на заключение под стражу лица без законного постановления, если имеются сомнения по поводу его личности, так как это прямо противоречит элементарным гарантиям, которых требует статья 5 Конвенции, ибо это подразумевало бы общее разрешение содержать под стражей, если не установлена личность. Кроме того, в данном случае полиция установила личность г-на Забчекова в самый момент его задержания.

Из вышеизложенного следует, что задержание сына заявительницы было неправомерным.

156. По утверждению заявительницы, с целью скрыть сам факт задержания ее сына о нем просто полностью умолчали в предоставленной семье первой информации о его смерти (см. выше пункты 49 и 61).

Суд отмечает, что с самого начала не было ни приказа, ни записи о лишении свободы г-на Забчекова, а ложные данные были внесены в регистрационный журнал комиссариата впоследствии. Подозрительное поведение полицейских между 3 и 5 часами ночи 29 января 1996 г. представляет собой еще один элемент, который может привести к заключению о том, что была попытка сокрытия факта того, что сын заявительницы содержался под стражей (см. выше пункты 30, 32-40 и 41-46).

Поскольку эта попытка не удалась, Суд не будет рассматривать вопрос, должно ли государство нести ответственность за непризнание содержания под стражей.

157. Отсутствие письменного постановления о задержании и официальной записи в правильной и надлежащей форме о содержании г-на Забчекова под стражей достаточны Суду, чтобы заключить, что содержание юноши под стражей в течение нескольких часов 29 января 1996 г. противоречило внутреннему

праву и подразумеваемым требованиям статьи 5 Конвенции, которые предполагают должную регистрацию действий по лишению свободы.

Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

158. На основе статьи 13 Конвенции заявительница указывает на отсутствие эффективных средств правовой защиты, необходимых для обжалования нарушения статей 2 и 3. Статья 13 гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

159. По утверждению заявительницы, выдвинувшей свои претензии на основе статей 2 и 3 Конвенции, уголовное расследование не было эффективным. К этому следует добавить, что в момент событий не было средства правовой защиты для обжалования решений прокурора об отсутствии состава преступления.

160. Правительство отсылает к своим доводам, представленным по статьям 2 и 3, и отмечает, что заявительница могла тогда потребовать дозволения участвовать в проводившемся в связи со смертью ее сына уголовном расследовании как частное лицо или в качестве гражданской стороны уголовного процесса.

161. Статья 13 гарантирует наличие во внутреннем праве средства правовой защиты, дающего возможность сослаться на права и свободы Конвенции в том виде, в котором они в нем закреплены. Таким образом, в соответствии с этим положением требуется такое средство правовой защиты, которое даст возможность рассматривать «не лишенную оснований жалобу» на нарушение положений Конвенции, и соответственно исправить ситуацию, хотя государства-члены обладают определенной свободой усмотрения при выполнении вытекающих из данного положения обязательств. Сфера действия вытекающей из статьи 13 обязанности меняется в зависимости от предмета жалобы, заявляемой на основе Конвенции. Однако, требуемое статьей 13 средство правовой защиты должно быть «эффективным» как на практике, так и в правовом отношении.

Если можно утверждать доказуемым образом, что было нарушение одного или нескольких прав, закрепленных Конвенцией, то должен быть механизм, куда потерпевший мог бы обратиться для установления ответственности государственных служащих или государственных органов, виновных в их нарушении. Кроме того, в соответствующих случаях в принципе должна существовать возможность компенсации материального и морального вреда, причиненного нарушением этих прав, в рамках существующего порядка возмещения вреда (см. недавнее постановление по делу *T.P. et K.M. c. Royaume-Uni* [GC], № 28945/95, § 107, CEDH 2001- V).

В спорных случаях с летальным исходом в связи с основополагающим правом на жизнь, кроме уплаты компенсации в соответствующих случаях, статья 13 предполагает тщательные эффективные расследования, могущие привести к выявлению и наказанию ответственных за смерть, а также реальный доступ заинтересованного лица к процедуре расследования (см. постановления по вышеуказанным делам *Kaya*, стр. 330, § 107, *Ergi*, стр.1782, §98, *Salman*, § 123 и *Velikova*, § 89).

162. По мнению Суда, жалоба заявительницы относительно смерти своего сына и жестокого обращения с ним не была лишена оснований в свете статей 2 и 3 Конвенции. В свете статьи 13 она должна была располагать эффективными и конкретными средствами защиты, которые должны были привести к выявлению и наказанию виновных и предоставлению компенсации.

Однако, в такой ситуации (как в настоящем деле, так и в вышеуказанном деле *Velikova*), где уголовное расследование подозрительной смерти человека оказалось неэффективным, поскольку в нем не было необходимых в таких случаях объективности и тщательности (см. выше пункты 141-146) и где, следовательно, отсутствовала эффективность, даже если бы она существовала по иной жалобе, в том числе и той, на которую ссылается правительство (т.е. возможность для заявительницы выступить гражданской стороной в уголовном процессе), Суд считает, что государство не выполнило своей обязанности, которая лежит на нем в силу статьи 13 Конвенции.

Соответственно, имело место нарушение данного положения.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

163. В жалобе заявительницы на нарушение статьи 14 Конвенции в сочетании со статьями 2, 3 и 13 указано, что отнесение ее сына полицейскими и карательными органами к категории цыган оказало решающее влияние на их отношение и их действия.

Статья 14 Конвенции гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

164. По мнению заявительницы, вызывает удивление тот факт, что полицейские не смогли не называть г-на Забчекова «цыганом» даже в своих официальных заявлениях. Она считает, что ссылка на происхождение ее сына и акты полиции и следственных органов должны рассматриваться в более широком контексте расизма и систематической враждебности, которые неоднократно проявляли правоприменительные органы в Болгарии. За это их критиковали в своих документах межправительственные и правозащитные организации.

165. По мнению правительства, ничто не доказывает, что акты государственных органов объясняются расистскими побуждениями. То, что в некоторых заявлениях г-н Забчеков назван «цыганом», не служит тому доказательством.

166. Суд напоминает, что «исключающее разумные сомнения» доказательство может основываться на ряде признаков или непровержимых презумпций, достаточно серьезных, конкретных и согласующихся (см. выше пункт 111 и указанную в нем судебную практику).

Таким образом, Суд должен оценить все существенные обстоятельства, включая любые заключения, которые могут быть выведены из общей информации, представленной заявительницей о проявлениях дискриминации, на которые она ссылается.

167. Суд напоминает, что в пункте 94 постановления по делу *Velikova* он рассматривал сходный с данным пункт, где заявил:

«Суд отмечает, что жалобы заявительницы по статье 14 основаны на ряде серьезных доводов. Он отмечает также, что государство-ответчик не представило никаких веских объяснений обстоятельств смерти г-на Цончева и причин, по которым государственные органы не провели своевременного расследования некоторых обязательных и основополагающих следственных действий, которые могли бы прояснить вызвавшие спор события (...)

В то же время Суд напоминает, что критерием доказательства, который требует Конвенция, является критерий «исключения разумного сомнения». Он считает в данном случае, что находящиеся в его распоряжении данные не дают ему возможности исключить разумные сомнения в том, что убийство Цончева и непроведение серьезного расследования данного преступления были основаны на расовых предрассудках, как это утверждает заявительница.

Из этого следует, что нарушение статьи 14 не установлено».

168. Суд считает, что в данном случае претензии заявительницы также основаны на серьезных доводах. Однако, он не может заключить, что доказательства исключают разумное сомнение.

Следовательно, не имело места нарушение статьи 14 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

169. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

170. Заявительница потребовала 19.050 евро в качестве компенсации морального вреда, а именно 15.250 евро за боль и страдания, причиненные нарушением предусмотренных в Конвенции прав ее сына и 3 800 евро за то отчаяние, которое она пережила в связи с жестоким обращением с ее сыном и его кончиной, а также недостаточными действиями государственных органов.

171. В своем возражении правительство утверждает, что поскольку статья 362 (подпункт 4 пункта 1) УПК Болгарии предусматривает возможность возбудить новое уголовное дело в случае, если Европейский Суд по правам человека установит нарушение Конвенции, заявительнице следовало бы, если Суд

установит нарушение в данном случае, подать гражданский иск о компенсации вреда, как только будет открыт уголовный процесс.

В дополнение к этому правительство считает данное требование чрезмерным, принимая во внимание экономическое положение страны. Заявленная сумма составляет 371 МРОТ. По мнению правительства, предлагаемое заявителем сравнение с делами, относящимися к Турции, неправомерно, ибо в Турции МРОТ на 50% выше, чем в Болгарии.

И наконец, правительство подчеркивает, какую опасность несут в себе присуждаемые Судом чрезмерно завышенные суммы.

172. Суд отмечает, что норма УПК, на которую ссылается правительство, касается возобновления уголовных производств, завершившихся судебным решением, а дело заявительницы закончилось лишь решением следственных органов. Поэтому невозможно утверждать, что УПК потребует возобновления расследования после решения Суда по настоящему делу.

Кроме того, статья 41 Конвенции не требует от заявителей исчерпания внутренних средств защиты во второй раз, чтобы получить справедливую компенсацию, после того как они уже это тщетно делали, пытаясь предъявить свои притязания по существу. Данное положение (которое указывает на невозможность получения компенсации по внутреннему праву) устанавливает норму, которая применяется при рассмотрении вопроса о справедливой компенсации по существу (см. дело *De Wilde, Ooms et Versyp c. Belgique* (пункт 50), постановление от 10 марта 1972, Серия А № 14, стр. 8-9, § 16).

В связи с этим, по мнению Суда, гипотетическая возможность проведения нового расследования смерти сына заявительницы во время его содержания под стражей через много лет после этого случая и неэффективное первое расследование, а также то, что заявительница может подать гражданский иск, который будет иметь действие, только если новое расследование даст результаты, не могут разумно толковаться по внутреннему праву как *restitutio in integrum*².

173. В связи со своими постановлениями по сходным делам (вышеуказанное постановление *Velikova*) и в связи с тем, что настоящее дело касается смерти семнадцатилетнего юноши во время его содержания под стражей, Суд полностью признает требование о компенсации морального вреда.

Б. Судебные издержки и расходы

² Лат. «восстановление прежнего состояния» - прим. перев.

174. Заявительница требует 3.800 долларов США для оплаты девяноста пяти часов работы юриста из расчета 40 долларов за час. Она предъявила копию договора с ее адвокатом, а также отчет о почасовых затратах времени.

175. По мнению правительства, договор между заявительницей и ее адвокатом, по которому гонорар выплачивается только в случае выигрыша данного иска, является «абсурдным», а почасовая оплата по ставке 40 долларов в час является завышенной и даже безнравственной, поскольку адвокаты обязаны помогать лицам с ограниченными финансовыми ресурсами.

176. Суд напоминает, что в соответствии со статьей 41 Конвенции он присуждает возмещение судебных расходов, если установлено, что они реально имели место, были необходимыми и разумными по своей сумме (см., среди прочих, дело *Nikolova c. Bulgarie* [GC], № 31195/96, § 79, CEDH 1999-II).

Суд также отмечает, что правительство не оспорило отчет адвоката заявительницы об отработанных часах. Суд не усматривает ничего, что указывало бы на то, что представленное количество часов превышает реально проделанную юридическую работу, необходимую для представления интересов заявительницы.

Что касается почасовой оплаты в 40 долларов США, не было заявлено, что эта ставка выше почасовой оплаты, которая практикуется, например, в известных адвокатских конторах Болгарии.

Конвертировав в евро требуемую сумму и вычтя из нее 762,25 евро (5000 французских франков), предоставленные Советом Европы в качестве помощи на оплату юридических услуг, Суд присуждает заявительнице 3500 евро в качестве возмещения судебных расходов.

В. Проценты в случае просроченного платежа

177. По информации, которой располагает Суд, официальная процентная ставка, действующая в Болгарии в отношении исков, выраженных в конвертируемой валюте, на момент принятия настоящего постановления составляет 13,65 % в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи со смертью сына заявительницы.

2. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с несвоевременным оказанием медицинской помощи потерпевшему государственными органами.
3. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в части требований об обязанности государства-ответчика проводить эффективное расследование.
4. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции.
5. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции.
6. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции.
7. *Постановил* шестью голосами против одного, что не имело места нарушение статьи 14 Конвенции.
8. *Постановил* единогласно,
 - а) что государство-ответчик обязано выплатить заявительнице в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, плюс сумму на уплату любого возможного налога на добавленную стоимость:
 - (i) 19.050 евро (девятнадцать тысяч пятьдесят) в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 3.500 евро (три тысячи пятьсот) в качестве возмещения судебных издержек и расходов;
 - с конвертацией этих сумм в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему в стране на дату платежа;
 - б) что по истечении вышеуказанного срока на присужденные суммы выплачивается простой процент из расчета 13,65% годовых в течение периода неплатежа.
9. *Отклонил* единогласно остальные требования заявительницы о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском³ языке и письменное уведомление направлено 13 июня 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Эрик Фриберг
Секретарь

Кристос Розакис
Председатель

³ Настоящий перевод выполнен с французского текста постановления – прим. перев.

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента к настоящему постановлению прилагается частично особое мнение судьи Бонелло.

К.Л.Р.

Э.Ф.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БОНЕЛЛО (Перевод)

1. Я голосовал так же, как и мои коллеги по всем пунктам, за исключением одного, ибо не могу согласиться с мнением большинства в том, что в данном деле не было нарушено запрещение всякой дискриминации (статья 14 Конвенции).

2. Особенно возмутительным я считаю то, что за пятьдесят с лишним лет упорной судебной работы Суд до сего дня не встретил ни одного примера нарушения права на жизнь (статья 2) или права не подвергаться пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (статья 3) по признаку расы, цвета кожи или места происхождения потерпевшего [Комиссия заявляла в 1973 г., что «особый режим, навязываемый группе лиц по расовым признакам, может представлять собой унижающее достоинство обращение там, где различия на основе иного факта не вызвало бы подобного рода вопросов» (*Asiatiques de l'Afrique de l'Est c. Royaume-Uni*, доклад Комиссии от 14 декабря 1973 г., Решения и доклады 78-В)]. Изучая документы Суда, неискушенный наблюдатель может заключить, что в последние пятьдесят лет в демократической Европе нет и тени расизма, нетерпимости и ксенофобии. В том виде, как Европа отражена в судебной практике Суда, она предстает неким убежищем, тихой пристанью национального братства, где без всяких напряженностей, недоверия и настороженности общаются народы самого разного происхождения. Настоящее дело лишь лишнее подтверждение этой иллюзии.

3. Суд часто и правомерно признавал, что членов уязвимых меньшинств убивают или подвергают жесточайшему обращению в нарушение статьи 3; но ни разу Суд не посчитал, что эти факты были связаны с их этническими особенностями. Курдов, негров, мусульман, цыган всё убивают и убивают, мучают и калечат, а Суд все никак не может убедиться, что это связано с их расой, цветом кожи, национальностью или местом происхождения. На конкретные обездоленные группы меньшинств обрушиваются несчастья, но все это якобы стечение обстоятельств, случайностей.

4. В основе этой пустой химеры лежит критерий доказательства, который Суд сам для себя избрал: «Суд напоминает (...), что критерием доказательства, требуемым в соответствии с Конвенцией, должно быть «исключение разумных сомнений».», [дело *Velikova c. Bulgarie*, № 41488/98, CEDH 2000-VI]. Вот и в данном деле большинство судей не посчитали установленным в

степени, «исключающей разумные сомнения», что для семнадцатилетнего цыгана Ангела Забчекова, умершего из-за сердечной заботы, которую проявили к нему полицейские, «определяющей» оказалась его этническая принадлежность, определяющей для того, чтобы должностные лица полиции помогли молодому цыгану пойти по самой короткой дороге, соединяющей Разград с вечностью.

5. Мы постоянно наблюдаем эту неспособность Суда установить связь между физическими злоупотреблениями и этническим происхождением, хотя все свидетельствует об «особом» отношении к цыганам со стороны болгарской полиции, вопреки статьям 2 и 3, везде красный свет и мигают и бьют тревогу мигалки: это уже третий случай смерти или жестокого обращения с цыганами со стороны болгарской полиции, с которым Суду приходится разбираться (см. постановления по делу Асенова и Великовой). По докладам межправительственных и правозащитных организаций службы порядка Болгарии могут «гордиться» тем, что им принадлежит печальный рекорд по случаям жестокого обращения с цыганами на основе расовых предрассудков.

В докладе Международной Амнистии, от подробностей которого идет мороз по коже, подчеркивается все возрастающая тенденция со стороны полицейских к жестокому обращению с цыганами: «Большое число лиц, пострадавших от ударов и иных видов жестокого обращения со стороны полицейских, - это цыгане (...). Международная Амнистия выразила свою озабоченность болгарским властям в связи с двумя другими случаями массовых избиений во время полицейских облав в кварталах проживания цыган, пятью случаями расправ на расовой почве, при которых цыгане не получили должной защиты, пятью летальными исходами при подозрительных обстоятельствах и девятью случаями пыток и жестокого обращения, повлекшими двадцать одну жертву».

Как подчеркивается в докладе, «Проблема усугубляется еще и всеобщей безнаказанностью, которой пользуются работники служб порядка, ответственные за эти нарушения прав человека» [«Болгария: убийства, смертельные случаи при содержании под стражей, пытки и жестокое обращение», AI Index: EUR 15/07/96]. Что касается предоставленного полицейским иммунитета от преследований, Международная Амнистия заявляет о своей «озабоченности по поводу той безнаказанности, которой пользуется полиция Болгарии в связи с тем, что болгарские власти постоянно отказываются проводить достаточные и беспристрастные расследования по таким случаям, что подвергает наиболее уязвимое

в Болгарии этническое сообщество еще большому риску расправ на расистской почве» [AI Index: EUR 01/06/97].

Еще в одном докладе говорится, что «цыгане по всей Болгарии подвергаются избиениям и другому жестокому обращению со стороны сотрудников сил порядка. Международная Амнистия полагает, что в большинстве случаев в основе такого обращения лежит расовая ненависть, и с озабоченностью заявляет, что жестокое обращение, от которого страдают цыгане, представляет собой одну из серьезнейших проблем в области прав человека в Болгарии». [«Болгария: озабоченность, связанная с жестоким обращением с цыганами со стороны болгарской полиции», AI Index: EUR 15/05/95].

6. Правозащитные организации являются не единственными, кто бьет тревогу. Такие межправительственные организации, как Совет Европы и Организация Объединенных Наций также приняли к сведению эту проблему. Специальный докладчик Комиссии по правам человека ООН по внесудебным расправам, приведению приговоров в исполнение без суда и следствия или произвольно также «выразил свою озабоченность докладами, в которых указывается, что основными жертвами полицейской жестокости, в частности, нарушений права на жизнь являются лица, принадлежащие к этническому меньшинству цыган [в Болгарии]» [Доклад от 25 января 1996 г. (E/CN.4/1996/4)]. В докладе, представленном Комиссаром по правам человека Совета Европы Альваро Хиль-Роблесом о его визите в Болгарию в декабре 2001 г., также подтверждается общее впечатление о том, что цыгане в Болгарии – это обездоленное меньшинство и жертвы жестокостей.

7. В публикации под названием «Профессия - заключенный. Цыгане под стражей в Болгарии» также подробно описывается общепринятое поведение в Болгарии работников, обязанных применять закон и наделенных почти автоматической безнаказанностью [Европейский центр прав цыган, серия докладов по странам, № 6, декабрь 1997 г.].

8. Другие организации, наблюдающие за соблюдением прав человека такие, как Хьюман райтс проджект, Болгарский Хельсинкский комитет, Хьюман райтс уотч также вскрывают и регистрируют подобные негативные факты систематического проявления жестокости по отношению к цыганам со стороны болгарских полицейских.

9. Нигде в Конвенции не требуется доказательство «исключающее разумные сомнения», которое сегодня требуется от потерпевшего, чтобы убедить Суд в том, что смерть или жестокое обращение являются результатом этнических предрассудков.

Напротив статья 32 наделяет Суд самыми широкими дискреционными полномочиями для целей толкования и применения Конвенции. *На самом деле Конвенция требует как раз обратного* – полного осуществления ее положений. Она требует, чтобы вся работа по ее толкованию была направлена на «обеспечение всеобщего и действительного признания и применения» перечисленных в ней гарантий, за исключением искажения духа и буквы ее четкой преамбулы.

Конвенция должна так применяться Судом, чтобы защищать «не теоретические или иллюзорные права, а конкретные и реальные» [дело *Artico c. Italie*, постановление от 13 мая 1980 г., Серия А № 37]. Чтобы защиту от расовой дискриминации сделать иллюзорной и недействительной, невозможно было придумать ничего другого более эффективного, как только потребовать от потерпевшего соблюдения такого доказательного критерия, который в других гражданско-правовых спорах ни от кого не требуется.

10. Суд ни разу не удосужился объяснить, а тем более обосновать, почему критерий доказательности, применяемый к заявителю в спорах по правам человека, должен быть эквивалентным критерию, соблюдение которого требуется от государства при назначении уголовного наказания, которое должно быть определенным и достойным доверия. По другим делам я просто не соглашался с таким критерием, который я считаю незащищаемым с правовой точки зрения и недостижимым на практике; в результате получается критерий, который лишь гарантирует, что даже самые явные и недопустимые нарушения прав человека остаются безнаказанными [*Veznedaroğlu c. Turqie*, № 32357/96, 11 апреля 2000 г.]. Эта доктрина вознаграждает лишь тех, кого Конвенция как раз не должна вознаграждать.

11. Весьма печально, что в важном деле защиты от расовой дискриминации Суд отстает от других судебных органов, занимающихся правами человека. Например, Межамериканский суд по правам человека установил в целом более разумные критерии: «Международную защиту прав человека нельзя путать с уголовным правосудием. Государства предстают перед Судом не как ответчики по уголовному делу. Цель международного права в вопросе прав человека заключается не в том, чтобы наказать нарушителей, а в том, чтобы защитить потерпевших и предусмотреть пути исправления вреда, причиненного действиями ответственных государств» [дело *Velasquez Rodriguez c. Honduras*, Межамериканский суд по правам человека, 29 июля 1988 г., § 134].

12. Верховный суд США работает также на основе более эффективного и реального постулата по делам, где используются

критерий и бремя доказывания для установления расовой дискриминации: заявители должны указать на то, что существует прежде всего вопрос дискриминации. Как только заявитель докажет, что, согласно жаргону нашего Суда, «жалоба не лишена оснований», бремя доказывания переходит на ответчика, который должен убедить Суд в законности и оправданности оспариваемых действий [*Griggs v. Duke Power Co.*, 401 US 424, 427 (1971); *McDonnell Douglas Corp. v. Green*, 411 US 792, 802 (1973)]. Этот доступный справедливый критерий доказывания кажется весьма легким по сравнению со световыми годами «доказывания, исключаящего разумные сомнения», которое тормозит защиту прав человека в Европе в таких областях, где приоритетным должен быть самый высокий уровень защиты, а не самый высокий уровень доказывания.

13. До тех пор пока Суд будет требовать в спорах по правам человека выполнения критерия, нереальность, нереалистичность и нереализуемость которого доказаны пятьюдесятью годами его практического опыта, чисто формальными будут все его заявления о приверженности гарантиям, которые он сам же, благодаря этому критерию, делает неосуществимым. По-моему, следует радикально и творчески пересмотреть подход Суда в этом вопросе, так чтобы снять барьеры, которые в некоторых важных областях прав человека превращают его в неэффективного защитника Конвенции. Ведь Суд часто отвечает на вызовы времени как настоящий прорицатель, вот и теперь в вопросах этнической дискриминации он должен без колебаний обратиться к этой своей традиции провозвестника.

14. На ум приходят разные испытанные пути, чтобы обеспечить лучший баланс между требованиями заявителя и государства. Одним из таких путей является перенос бремени доказывания: этот механизм Суд уже удачно использовал, когда иное решение сделало бы невозможным установление истины. Так, например, смерть или травмы во время содержания под стражей должны породить презумпцию (что следует из судебной практики Суда), которая обращает на государство обязанность предоставить достаточные объяснения этого [см., например, *Arsenov et autres c. Bulgarie*, постановление от 28 октября 1998 г., *Сборник постановлений и решений 1998-VIII*, а также другие недавние дела по Турции].

15. Суд в одном из своих весьма прогрессивных решений также заявил, что если правительство не представило информации, к которой только оно имеет доступ, то это может привести к заключению об обоснованности претензий заявителя [*Timurtaş c. Turquie*, № 23531/94, CEDH 2000-VI, и *Taş c. Turquie*, № 24396/94, 14 ноября 2000 г.].

16. Выводы, презумпции, вытекающие из законодательства, и перенос бремени доказывания на противоположную сторону оказались решающими в недавнем деле *Ѓonka*, в котором вместо того, чтобы потребовать от заявителей доказательств, исключающих разумные сомнения, относительно того, что их выдворение произошло в рамках политики коллективных выдворений, Суд, исходя из иной посылки в силлогизме, пришел к следующему заключению: «действия, осуществленные (органами государственной власти), не могут исключить сомнения по поводу коллективного характера обжалуемого выдворения.» [*Ѓonka c. Belgique*, № 51564/99, CEDH 2002-I].

17. Благодаря своей замечательной судебной активности, Суд также «создал» понятие «процессуального нарушения» статьи 2 [*McCann et autres c. Royaume-Uni*, постановление от 27 сентября 1995 г., Серия А № 324], а недавно и статьи 3 [вышеуказанное дело *Arsenov et autres*]. Рассуждение здесь то же, оно заключается в том, чтобы при отсутствии или недостаточности расследования, проведенного в связи со смертью или жестоким обращением со стороны государства, усматривать «процессуальное нарушение» этих гарантий, что должно привести к признанию нарушения статьи 14 в сочетании со статьями 2 и 3, если никакого нормального расследования по заявленным нарушениям не было проведено.

18. Таким образом, Суд располагает богатым арсеналом средств, с помощью которых он мог бы выйти из тупика, который за пятьдесят лет деятельности не дал ему ни разу возможности осудить ни один акт расовой дискриминации в случаях смерти или жестокого обращения. В идеале, следовало бы вновь рассмотреть вопрос о целесообразности использования в качестве критериев доказывания критерии перевеса доказательств или большей вероятности, которые с правовой точки зрения являются более оправданными. В дополнение к этому, по моему мнению, в тех случаях, когда кому-либо из национальных меньшинств причиняется вред в среде, где сильна расовая напряженность и где значительно распространена безнаказанность работников государственных органов, Суд должен был бы заявлять, что на правительстве лежит бремя доказывания того, что данный факт не был спровоцирован этническими особенностями.

Кроме того, что касается сферы действия статьи 14, Суд должен, как это было сделано в отношении статей 2 и 3, обращаться к своей собственной доктрине «процессуального нарушения», если документы показывают, что в связи с травмами представителя этнического меньшинства, находящегося в неблагоприятном положении, не проведено достаточного расследования.

19. Это дало бы возможность Суду вернуться на прямую дорогу своей собственной судебной практики, которая заключается в том, что «только серьезные соображения (представленные правительством) могут заставить Суд признать совместимым с Конвенцией различия в обращении, основанные исключительно на национальности» [*Gaygusuz c. Autriche*, постановление от 16 сентября 1996 г., *Сборник 1996-IV*].

20. По этим кратко изложенным причинам я могу проголосовать лишь за нарушение статьи 14 Конвенции.